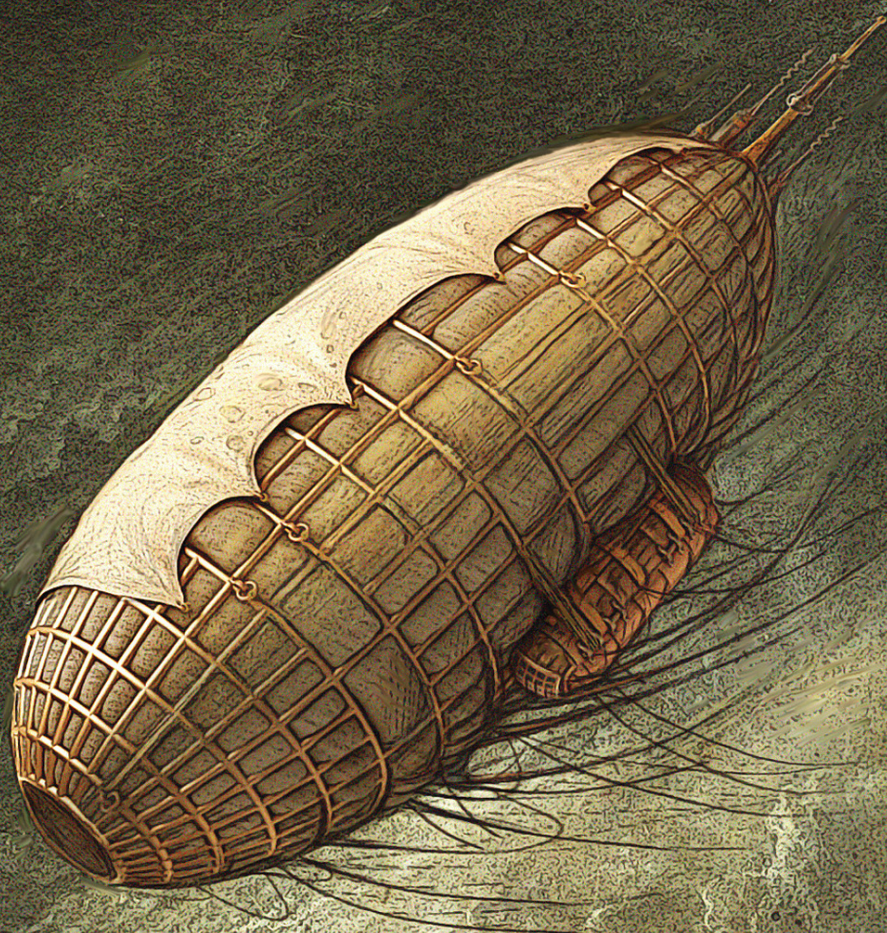

• ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ •

Орудие войны

fanzon

Разрушитель кораблей

Паоло Бачигалупи

Орудие войны

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бачигалупи П.

Орудие войны / П. Бачигалупи — «Эксмо»,
2017 — (Разрушитель кораблей)

ISBN 978-5-04-094800-0

Кровь. Клинок. Приносящий смерть. Люди создали его из генов самых опасных хищников мира. Получеловек. Пожиратель сердец. Совершенное оружие. Боги обрушили огонь на его голову. Идеальный воитель. Сильный. Умный. Быстрый. Он взобрался на небо, чтобы убить своих богов.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-094800-0

© Бачигалупи П., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	13
5	19
6	25
7	27
8	29
9	32
10	39
11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Паоло Бачигалупи

Орудие войны

Paolo Bacigalupi

TOOL OF WAR

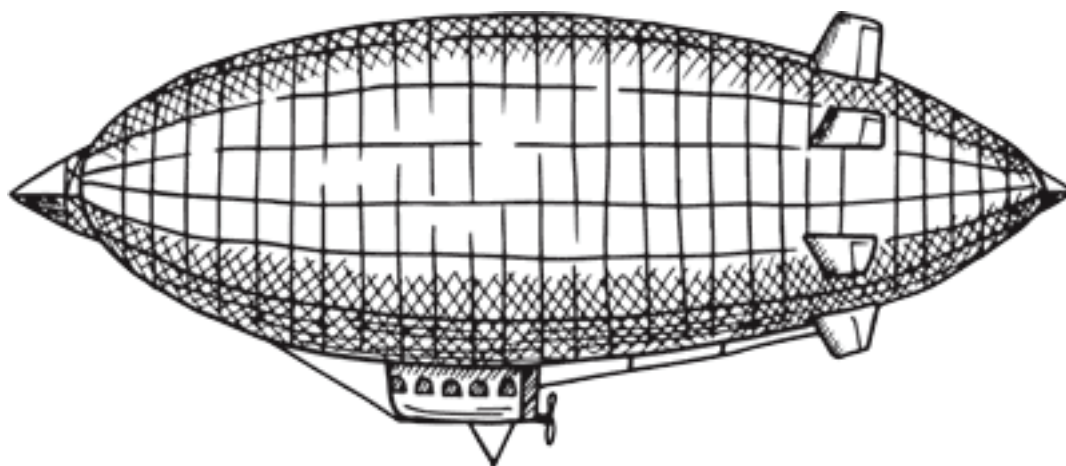
© 2017 by Paolo Bacigalupi

Серия «Большая фантастика»

© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

1

Дрон кружился над пепелищем. Неделию назад его здесь не было, неделю назад Затонувшие города представляли собой какую-то ценность, а теперь они стали только объектом наблюдения для дронов.

Затонувшие города: берег, затопленный поднимающимся морем и ненавистью, развалины, вечный артиллерийский огонь. Когда-то это была великая столица, и люди, ходившие по ее мраморным коридорам, владели большей частью мира. Теперь же это место осталось лишь на картах, а цивилизованные люди старались не вспоминать о нем. Здесь творилась история, этот город контролировал огромные территории, но все это кануло в Лету, когда началась гражданская война. А потом город был забыт.

И теперь только наблюдательный дрон класса «Хищник» кружил над ним.

Паря во влажных потоках теплого воздуха, дрон изучал затопленные солоноватой водой джунгли и изъеденный эрозией берег. Он кружил, широко раскинув крылья, и ловил горячие атлантические ветра. Объективы его камер фиксировали заросшие побегами кудзу болота и изумрудные пруды, полные москитов. Камеры задерживались на мраморных монументах, шпилях и куполах, на упавших колоннах, на следах бывшего величия.

Поначалу вся информация поступала от напуганных беженцев: дескать, какой-то монстр ведет детей-солдат от победы к победе, чудовище, которое не берут пули, чудовище, способное разорвать врага на части. Огромный хищный зверь, который требует все новых и новых вражеских черепов.

Поначалу никто не верил.

Но затем на мутных спутниковых фотографиях появились горящие здания и марширующие войска, и эти фотографии подтвердили самые дикие слухи. Тогда на разведку отправились дроны.

Ленивый электронный стервятник кружил высоко в небе, брюхо у него было набито камерами и тепловыми датчиками, лазерными микрофонами и оборудованием для радиоперехвата. Он фотографировал исторический мусор и одичавших жителей, он подслушивал радиосвязь, отслеживал передвижение войск, фиксировал взрывы. Он оценивал плотность огня и записывал на видео расчленение вражеских солдат.

Далеко-далеко, на другом конце материка, информация, которую собрал «Хищник», попадала в руки его хозяевам. Там огромный величественный дирижабль парил над Тихим океаном. Имя на его борту было ему под стать – «Аннапурна».

Четверть планеты разделяла дирижабль командования и «Хищника», и все же информация появилась мгновенно, заставив сработать сигнализацию.

– Генерал!

Аналитик оторвалась от экрана, моргнула, вытерла пот со лба. Центр глобальной стратегической разведки корпорации «Мерсье» был набит оборудованием, аналитики сидели плечом к плечу за своими станциями, занятые собственными делами, и было очень жарко. Помещение наполняли ровный гул разговоров и гудение вентиляторов, которые пытались разогнать жару. На «Аннапурне» пространство использовалось наиболее эффективным образом и работникам обеспечивался максимальный комфорт, так что все страдали от жары, но никто не жаловался.

– Генерал! – снова крикнула аналитик.

Поначалу она обижалась, что ее поставили на такую дурацкую работу – гоняться за дикими птицами, – когда ее товарищи мешали революциям, уничтожали повстанцев и регулировали цены на рынке кобальта и лития. Над ней смеялись – в столовой, в спальнях, в душевой, – говорили, что она не вносит вклада в общее дело, напоминали, что ее квартирный бонус будет равен нулю, потому что она не принесет компании никакой прибыли.

Она угрюмо соглашалась с ними.

До этой минуты.

– Генерал Кароа! Я нашла что-то!

Отозвался высокий мужчина в идеально отглаженной синей форме компании. На груди у него сияли ряды медалей: его путь по карьерной лестнице «Мерсье» был залит кровью. Светлые седеющие волосы были коротко, по-военному, подстрижены. Он выглядел бы приятно, если бы не лицо, как будто небрежно сшитое из кусков, покрытое розовыми шрамами, оспинами и морщинами – военно-полевые хирурги из всех сил пытались сохранить ему хоть какое-то подобие лица.

По крайней мере оно у него вообще было.

Генерал перегнулся через плечо аналитика:

– Что тут у нас?

Аналитик сглотнула, нервничая под ледяным взглядом.

– Плюсовой, – сказала она, – тот, ваш.

– Вы уверены?

– Почти полное совпадение физических параметров. – Она вывела на экран съемку с дрона. Увеличила морду зверя – это должен быть он.

Изображение было зернистым, но, учитывая расстояние и угол съемки, это было настоящее чудо техники. Плюсовой выглядел так, как будто его сфотографировали футов с двадцати – огромный, массивный, ростом почти восемь футов. ДНК собаки, человека, тигра и гиены. Ужас войны, вооруженный клыками и когтями.

– Вот мы и встретились, старый друг, – пробормотал генерал. Глазницу зверя пересекал шрам. Другие старые шрамы виднелись на его лапах и лице, как будто он прошел через ад и выбрался из него с победой.

– У меня есть еще элемент кода конструкции, – сказала аналитик и приблизила изображение уха: татуировка с рядом цифр, – это тот, кого вы искали? Все совпадает?

Генерал посмотрел на экран. Рука его будто сама собой потянулась к собственному истерзанному лицу, пальцы провели по неровному шраму, который начинался у челюсти и тянулся к шее. Там, где когда-то в его тело впились клыки гигантского зверя, плоти не хватало.

– Сэр, – с нажимом спросила аналитик, – это наша цель?

Генерал кисло посмотрел на нее. «Джонс, Ариэль», судя по нашивке на форме. Никаких медалей. Никакого опыта. Совсем молодая. Очередной умненький новобранец, попавший в охрану «Мерсье» по тестам на профпригодность, которые компания проводит на своих территориях. Она прилежно работает, потому что вылезла из какой-нибудь чертовой дыры, но она не знает, что такое война. В отличие от него. В отличие от существа на экране. Конечно, ей интересно, она же никогда не была в бою.

– Это он, – подтвердил генерал Кароа, – это наша цель.

– Кажется, будет непросто.

– Это один из самых сложных противников, – согласился генерал, – наши активы?

Джонс проверила информацию на экране.

– Мы можем подтянуть двоих Шипастых хищников в течение двадцати минут, – доложила она, – возможен запуск с «Каракорума» в Атлантике. – Она улыбалась: – Жду вашего приказа, сэр.

– Время до цели?

– Шесть часов.

– Очень хорошо, Джонс. Сообщите, когда «Хищники» будут на станции.

2

Тул напряг уши, прислушиваясь к отдаленной перестрелке – обычной беседе в Затонувших городах. Это был сложный и разнообразный язык, но Тул знал все его диалекты. Резкий треск «АК-47» и «М-16». Глухой рев дробовиков десятого и двенадцатого калибров. Властный скрежет охотничьих винтовок и стук карабинов двадцать второго калибра. И, конечно, визг девятьсот девяносто девятых пушек, голос, ставивший точку в любых боевых переговорах.

Знакомая беседа текла своим чередом – вопрос и ответ, оскорбление и возражение, – но за последние несколько недель ход беседы несколько переменялся. Постепенно в Затонувших городах начинали говорить на языке Тула. Говор пуль, принадлежавших его солдатам. Боевой жаргон его стаи.

Война продолжалась, но голоса постепенно сливались, превращаясь в единый гармоничный триумфальный вопль. Конечно, были и другие слухи, и Тул их слышал. Даже в атриуме своего дворца, далеко от линии фронта, он мог следить за своей войной. Слух у него был лучше, чем у собаки, а огромные уши были постоянно настроены и слышали все, чего не слышали человеческие уши. Все его чувства были куда острее, чем у человека.

Он знал, где стоят его солдаты. Он чувствовал запах их душ. Он мог чувствовать их передвижения, когда воздушные потоки касались его кожи и меха. Он видел их даже в темноте, потому что глаза его видели лучше, чем у кошки.

Люди казались ему слепыми и глухими, но он все равно вел их вперед и пытался добиться от них чего-то полезного. Он помогал человеческим детям видеть, слышать, чувствовать запахи. Он учил их объединять свои глаза, уши и оружие друг с другом, чтобы они могли сражаться, как Клыки, Когти и Кулаки. Роты. Взводы. Батальоны.

Армия.

Через трещину в куполе своего дворца Тул видел подбрюшья грозовых облаков, светившиеся оранжевым. Они отражали вспышки выстрелов – последнюю отчаянную попытку Армии Бога остановить продвижение его войск, встав на их пути.

Загрохотал гром. Облака осветились молнией. Близился ураган, второй за несколько недель, но он не успеет спасти Армию Бога.

За спиной Тул услышал шаги по мраморной лестнице – кто-то спешил к нему. Хромота и общая неуклюжесть походки подсказали ему, что это Пень. Тул повысил юношу и взял в штаб, потому что он был умен, тверд и достаточно храбр, чтобы броситься на штурм баррикад на улице К.

Когда Армия Бога угрожала прорваться и уничтожить их последнюю надежду, войска вел Колкат. Там он и погиб. Пень, стоявший рядом с ним, едва не потерял ступню, но сам наложил на ногу шину и потащился вперед, сплотив остальных вокруг себя, хотя командир уже умер. Безжалостный, преданный и храбрый.

Да, это оказался Пень – его запах, его хромота, – но был еще и другой запах, железный запах остывающей крови, предвестник новых трупов.

Пень принес сообщение.

Тул закрыл здоровый глаз и глубоко задышал, наслаждаясь запахом и моментом – немного стрельбы, духота и рев надвигающегося шторма, озоновый запах молний. Тул постарался как следует запомнить этот триумфальный миг.

Слишком многие его воспоминания были утеряны в бесконечных войнах и жестокости. Мешанина запахов, изображений и эмоций у него в памяти казалась куцей и обрезанной, большая часть этого калейдоскопа внезапных взрывов радости и ужаса была как будто заблокирована. Но на сей раз – хотя бы однажды – он хотел сохранить это мгновение в памяти. Его запах, вкус и звуки. Прочувствовать его полностью, гордо выпрямиться, ощутить силу в мышцах.

Это его триумф.

Дворец, в котором он поселился, лежал в руинах. Когда-то он был великолепен: мраморные полы, величественные колонны, старинные картины маслом, изящная ротонда. Теперь же Тул стоял под разбитым куполом и обозревал город, за который сражался, через дыру, пробитую в стене бомбой. Он видел океан, плескавшийся внизу, у самых ступеней. Дождь оставлял крошечные скользкие лужицы на полу. Факелы дымили во влажном воздухе, обеспечивая свет для людей – так они различали силуэты предметов, которые Тул видел в мельчайших подробностях.

Ужасные руины, место его триумфа.

Пень уважительно ждал.

– У тебя есть новости, – сказал Тул, не оборачиваясь.

– Да, сэр. Все кончено. Армия Бога... уничтожена.

Тул дернул ушами.

– Почему я до сих пор слышу выстрелы?

– Это зачистка, – пояснил Пень, – они же не знают, что уже проиграли. Они тупые, но зато сильные.

– Ты в самом деле полагаешь, что они проиграли?

Мальчик рассмеялся.

– Перкинс и Митали передали вам это.

Тул повернулся. Пень поднял руку, демонстрируя то, что принес. Голова генерала Захса смотрела вокруг пустыми глазами и казалась очень одинокой без тела. Последний вождь Затонувших городов. На его лице застыло выражение то ли ужаса, то ли крайнего удивления. Зеленый крест, нарисованный на лбу генерала, покраснел от крови.

– Ага, – Тул взял голову и взвесил ее на ладони, – кажется, единственный истинный бог его не спас. Выходит, он все-таки не пророк.

Жаль, его там не было. Жаль, что он не смог сам вырвать сердце из груди человека и съесть его. Заполучить силу своего врага. Даже сейчас Тулу очень хотелось это сделать. Но убивать – это привилегия Когтей. А он теперь генерал, он отправляет Кулаки, Когти и Клыки в битву, как когда-то отправляли его самого. Но все же он очень скучал по горячке боя, по горячей крови на своих клыках...

Тул печально вздохнул.

Теперь смертельные удары наносят другие.

И все же у него тоже были свои маленькие радости. Один генерал смотрел в глаза другому, сдаваясь.

– Думаю, что ты называл меня «мерзостью», – задумчиво сказал Тул, – извращением. – Он поднял голову выше, глядя в мертвые глаза Захса: – Чудовищем Франкенштейна, которое ни на что не способно. И, разумеется, «святотатством».

Этот человек до последнего отрицал очевидное, считал себя сыном Господа, воплощением Бога на земле, защищенным от созданий вроде Тула.

– Кажется, единственный истинный бог не против святотатства.

Даже теперь Тулу казалось, что он видит в мертвых глазах отрицание. Гнев и обиду на то, что приходится сражаться с созданием, которое по природе своей умнее, быстрее и сильнее несчастного вождя, который считал себя избранным. Этот простодушный человек не мог осознать, что Тул создан для войны. Боги Тула гораздо сильнее интересовались современным оружием, чем чьими-то молитвами. Такова эволюция. Такова конкуренция. Один вид сменяет другой в мгновение ока. Один вид эволюционирует, другой вымирает.

Впрочем, генерал не разбирался в концепции эволюции.

Кто-то должен и проиграть.

Послышался громкий взрыв. Пушки Тула. Основание дворца вздрогнуло.

Город замолк.

Наступила тишина.

Пень удивленно посмотрел на Тула. Тот опять насторожил уши, прислушиваясь. Ничего. Ни выстрела. Ни взрыва. Тул напряг все свои чувства. Начиналась гроза, и в воздухе ощущалось предвкушение. Как будто сама природа ждала продолжения войны. Но в Затонувших городах наконец стало тихо.

– Все, – благоговейно прошептал Пень и добавил уже громче: – Затонувшие города ваши, генерал.

Тул нежно улыбнулся мальчику:

– Они всегда были моими.

Юные командиры один за другим бросали свои дела, иногда на полпути. Они все прислушивались, все ждали новых выстрелов, и никто не слышал ничего.

Мир. В Затонувших городах.

Тул вздохнул, наслаждаясь моментом, а потом нахмурился. Почему-то от его войск пахло не победой, а страхом.

Тул внимательно посмотрел на Пня:

– Что такое, солдат?

Мальчик замялся.

– А что теперь будет, генерал?

Тул моргнул.

Что теперь будет?

И тут же он осознал, в чем дело. При взгляде на его штаб – самых умных, самых сильных, элиту его войск – все становилось очевидно. Их лица, их запах говорили сами за себя. Пень, храбрец, который продолжал сражаться, чуть не лишившись ноги. Саша, главный Кулак, который пугал даже самых смелых рекрутов. Алли-О, который так хорошо играл в шахматы, что Тул взял его в штаб. Мог и Мот, блондины-близнецы, которые вели за собой Сверкающие Когти. Храбрые, дерзкие, способные рассуждать под огнем.

Этим юным людям хватало ума понять разницу между рассчитанным риском и безрассудностью, но никому из них не было еще и двадцати. Многие лица оставались совсем детскими. Алли-О едва исполнилось двенадцать...

Это дети.

Вожди Затонувших городов всегда ценили качества, свойственные юности. Безумную верность, рвение, стремление к понятным целям. В солдаты брали совсем маленьких детей, быстро промывали им мозги, сообщали им «абсолютные истины», не требующие размышлений. Правда и неправда, предатели и патриоты, добро и зло, захватчики и местные, честь и верность. Праведность.

Все это легко было внушить молодежи, которая превращалась в идеальное оружие. Фанатики, машины для убийства. Сужая их представление о мире, их превращали в разящие клинки.

Покорные до самого конца.

Самого Тула создали ученые и вложили в него ту же рабскую верность. Они использовали ДНК подчиненных видов, приучали его к слепому повиновению генетическим контролем и безжалостными тренировками, но все же человеческие детеныши лучше поддавались обработке. Они были еще покорнее собак.

Став свободными, они испугались.

Что будет дальше?

Тул посмотрел на голову генерала Захса, которую все еще держал в руке. Что делать клинку, если все враги мертвы? Что пользы в пистолете, если не в кого больше стрелять? Зачем нужен солдат, если нет войны?

Тул сунул кровавый трофей обратно Пню:

– Сложи его к остальным.

Пень бережно взял голову:

– А потом?

Тулу захотелось завывать. «Идите своим путем! Постройте свой мир! Ваш вид создал меня, почему я должен создавать вас?»

Но он отбросил эту недобрую мысль. Они таковы, каковы они есть. Они приучены подчиняться, и у них нет собственной воли.

– Займемся стройкой, – наконец сказал Тул.

На лицах солдатиков ясно читалось облегчение. Никакой больше неопределенности. Их Бог Войны оказался готов даже к этому ужасному миру.

– Сообщите войскам. Мы должны отстроиться, – голос Тула окреп, – Затонувшие города теперь принадлежат мне. Это мое... королевство. Оно должно процветать. Мы сделаем это вместе. Это наша новая цель.

Говоря все это, Тул размышлял, возможно ли тут сделать хоть что-нибудь. Он умел рвать плоть голыми руками, стрелять в людей, крошить кости зубами. С Кулаком плюсовых он мог бы завоевать страну, прийти на чужой берег, залить его кровью, забросать телами и победить – но что толку в войне, когда наступил мир? Зачем нужна война, если никто не умирает, а победой считаются теплый дом, полный живот и...

Урожай?

Тул оскалился, обнажив тигриные зубы, и завыл от отвращения.

Пень отпрянул. Тул попытался успокоиться.

Убивать легко. Любого ребенка можно сделать убийцей. Иногда из самых глупых выходят лучшие убийцы, потому что они не понимают, что такое опасность.

Но земледелие? Терпеливо возделывать землю? Пахать? Сеять? Откуда взять людей, которые все это умеют? Людей, которые умеют делать тихую, долгую работу?

Они все мертвы. Или убежали. Самые умные – очень давно.

Ему будут нужны совершенно другие командиры. Ему придется найти где-то учителей. Экспертов. Людей, которые умеют не только убивать, но и жить.

Тул снова прислушался.

В безмятежной тишине мирных Затонувших городов слышался новый звук. Свист где-то высоко над головой. Очень страшный звук, смутно знакомый...

Он вспомнил.

3

– «Хищники» на станции, генерал.

– Цель?

– Цель найдена. «Истребители-5» заряжены.

– Огонь из всех стволов, – велел генерал.

Аналитик удивленно посмотрела на него.

– Из всех, сэр? Это... – она замялась, – вероятен серьезный сопутствующий урон.

– Разумеется, – решительно кивнул генерал, – абсолютно точно.

Аналитик кивнула и заколотила по клавиатуре.

– Да, сэр. Все шесть стволов, сэр. – Она сказала в коммуникатор: – Управление контроля за боеприпасами, подтвердите: огонь из шести стволов. Приказ генерала Кароа.

– Огонь из шести стволов, подтверждено.

– Приготовиться... – она нажала еще несколько клавиш, – ракеты запущены, сэр, – она посмотрела вверх, – пятнадцать секунд до цели.

Аналитик и генерал наклонились ближе к экрану, глядя на схемы.

На мониторах горела радуга инфракрасных сигналов. Мутно-красные, синие и фиолетовые пятна. Маленькие пузыри тепла – человеческие солдаты, обычно желтые и оранжевые, и огромная красная точка, плюсовой. Аналитик смотрела. Пятен тепла было много. Штаб плюсового, скорее всего. Все солдаты делали свое дело, не зная, что к ним летит смерть.

Камеры «Хищника» были настолько точны, что она видела даже тепловые отпечатки ладоней, где люди опирались о стол. Призрачные следы ног появлялись и исчезали – босой солдат прошел по древнему мраморному полу капитолия. С этого расстояния все казалось тихим и спокойным. Нереальным.

Плюсовой стоял рядом с двумя солдатами – то ли отдавал приказы, то ли выслушивал доклад. Никто из них не знал, что сейчас их сотрет с лица земли.

– Десять секунд, – пробормотала она.

Генерал Кароа наклонился вперед.

– Посмотрим, старый друг, убежишь ли ты на этот раз.

Счетчик отсчитывал секунды.

– Пять... четыре... три...

Кажется, плюсовой почувствовал опасность. Он начал двигаться. Температура его тела стремительно поднялась. Аналитик лениво подумала, что у них сверхъестественное чутье. Неудивительно, что даже сейчас зверь предпринимает последнюю попытку спастись. Такова его природа. Они созданы, чтобы сражаться, даже когда они обречены.

Экран вспыхнул.

Красное, оранжевое, желтое.

Белое.

Палящий белый свет, ярче тысячи пылающих солнц. Потом последовало еще несколько взрывов – все ракеты достигли цели.

Тепловые датчики на дроне погасли, сожженные адом внизу.

– Цель уничтожена, – заявила аналитик.

4

Маля лежала на палубе «Быстрой». Странно. Она помнила, что стояла на этой палубе. А теперь вот лежала.

Нет. Она не лежала на палубе клипера, она прислонялась к стене каюты, рядом с иллюминатором. Нет, она лежала на стене каюты. Она вообще совсем не стояла. Вообще-то весь корабль не... стоял?

«Мой корабль лежит на боку».

Маля посмотрела на мутные оранжевые облака над головой, пытаясь понять, в чем дело.

«Быстрая» лежит на боку. Корабль упал. Маля подумала об этом еще немного. Мир вокруг казался ненастоящим, как будто Маля смотрела на него сквозь очень длинную трубу. Все было очень далеко, хотя очень близко.

А еще было очень жарко.

Невероятно жарко.

Лоскуты огня летели по небу, как огненные птицы, закручивались и падали. Горящие обломки разлетались во все стороны.

Только что она наблюдала за погрузкой холста – тщательно упакованного шедевра Эпохи ускорения – и беспокоилась, успеют ли его закрепить, пока дождь не станет слишком сильным. И вот она уже лежит на спине, глядя на огненную бурю под грозовыми облаками.

Она чувствовала, что должна срочно что-то сделать, но у нее болело все тело, особенно затылок. Она потянулась его потрогать и зашипела от боли, когда металл коснулся головы.

Норны, она умудрилась забыть, что солдатики Армии Бога отрезали ей правую руку много лет назад и в Приморском Бостоне ей сделали протез. Маля осторожно ощупала голову левой рукой, убеждаясь в том, что ее ощущения верны.

Большая шишка, но, кажется, никаких открытых ран. Череп не раздроблен, мозг не торчит. Она посмотрела на пальцы. Крови тоже нет.

«Быстрая» медленно поднималась, вставая вертикально. Маля заскользила вниз. Палуба бросилась ей навстречу. Маля попыталась за что-нибудь зацепиться, но ноги подогнулись, и она рухнула на палубу.

Клипер встал, мокрый, грязный, с водорослями на палубах.

Маля попыталась пошевелить ногой и на мгновение испугалась, что у нее поврежден позвоночник. «Пожалуйста, пусть ноги останутся целы». Она сосредоточилась, и, когда ноги одна за другой послушались, ей стало намного легче. Она схватилась за иллюминатор и медленно, со стоном поднялась на ноги. Ей казалось, что она превратилась в марионетку – деревянные конечности, оборванные ниточки, – и все же она сумела встать.

– Где все, черт возьми?

В них попало что-то большое. Эпично большое, как выразился бы Ван. Может быть, снаряд девятьсот девяносто девятой пушки? Упал с неба прямо на них? Но это бессмысленно. В эти дни из таких пушек стрелял только Тул, а солдатики Тула вымуштрованы так, что никогда так глупо не промахнутся.

Маля оглядела «Быструю», свой прекрасный корабль, оценивая его состояние. Вода все еще стекала с палубы, но, если не считать этого, корабль, кажется, был в порядке.

– Повреждения? – каркнула Маля. – Капитан Альмади? Ошо?

К ней, спотыкаясь, брел Скворечник, явно ничего не понимая. Она схватила его за руку:

– Ты знаешь, где Ошо? – Собственного голоса она не услышала, но мальчик, кажется, понял. Кивнул и пополз дальше. Наверное, искать Ошо.

С неба падали пепел и горячие черные хлопья горелого пластика, резко выделяющиеся на фоне облаков. Маля проследила путь горящих обломков и увидела, откуда они.

– Дворец. – В этот раз она услышала свой голос.

Там, где раньше был дворец, рвались к небу столбы черного дыма. Маля прикрыла глаза от яркого света, вглядываясь в пламя. Весь дворец сровняли с землей, а заодно и соседнее здание. Даже мраморная лестница, которая вела наверх... Маля присмотрелась, не веря своим глазам. Лестница как будто текла вниз, как лава.

Таяла.

Это походило на ад, который глубокоководные христиане сулили грешникам. Даже озеро перед дворцом горело. Как вода может гореть?

Кто-то закричал рядом, и крик этот походил скорее на звериный, чем на человеческий. Слух явно возвращался к Мале. Она слышала рев пламени, крики обгоревших, приказы солдатиков в доках. Огонь распространялся, охватывая квартал за кварталом, пожирая дома с невиданной яростью. Штормовой ветер только раздувал пламя. Мале обдало жаром и дымом.

– Сообщить об ущербе! – крикнула Маля, закашлявшись, и прикрыла лицо от дыма. На палубу вышел Ошо. На лбу у него краснела длинная рана, но он двигался. Почти ошупью он пробрался к ней сквозь дым.

– Они уничтожили дворец! – крикнул он ей в ухо.

– Вижу! – крикнула Маля в ответ. – Кто это?

– Не знаю. Ван говорит, что это упало с неба. Огненные иглы.

– Армия Бога?

– Невозможно, – возразил Ошо, – Тул разгромил их.

Тул. Она ощутила волну липкого ужаса. Он был там. Во дворце. Какая же она дура, что сразу не поняла. Тула убили. Она снова осталась одна в Затонувших городах. У нее нет друзей. Вокруг одни солдатики... Маля схватилась за рейлинг, борясь со страхом. Она слишком хорошо помнила, как лежала в грязи брюхом вниз, молясь Норнам, Кали-Марии Милосердной, Глубоководному Богу и всем остальным богам, святым и аватарам, которых могла вспомнить, чтобы солдатики не заметили ее, расстреливая других ошметков. Она помнила, как бродила по болотам за пределами Затонувших городов, одна, умирая от голода. Помнила, как ловила и ела змей. Как находила деревни, вырезанные до последнего жителя. Как солдатики держали ее, как один высоко поднял мачете и отрубил ей правую руку.

А потом она нашла Тула.

Благодаря Тулу она сбежала от гражданской войны в Затонувших городах, а потом снова вернулась на «Быстрой» за добычей. Именно он помог ей убежать и жить нормальной жизнью.

А теперь, в одно мгновение, все пропало.

Ошо, очевидно, пришел к тому же выводу, вспомнив свою жизнь в Затонувших городах, в Объединенном патриотическом фронте.

– Норны, – сказал Ошо, – теперь все развалится. Это место снова превратится в...

Ад.

Тот, кто покончил с хаосом в Затонувших городах, сгорел дотла. Тот, кто защищал их и позволял им торговать, погиб.

Мале хотелось кричать от несправедливости всего этого. Они только что начали побеждать. Но самая мудрая часть Мали, та, что сохранила ей жизнь в худшие годы, знала, что это все не важно. Времени оставалось мало.

– Мы можем плыть? – спросила она. – Выбраться отсюда?

– Я спрошу у Альмади. Ей виднее, в каком состоянии корабль. – Ошо побежал в сторону мостика, но потом остановился и указал на черные тучи над головой: – Ты готова рискнуть и идти в шторм?

Маля мрачно улыбнулась:

– Ты думаешь, бывшие солдаты Тула оставят «Быструю» нам, если мы подождем?

На лице Ошо промелькнуло отчаяние.

– Норны. Всего один раз...

Что бы он ни хотел сказать, он этого не сказал. Лицо его застыло каменной маской.

– Я все сделаю.

Он устало отсалютовал ей, бросил последний взгляд на пылающий дворец и побежал к мостику. Он умел выживать, как и она. Он был спокоен. Даже когда все разваливалось, он все равно оставался спокойным. Когда он стоял у нее за спиной, Маля могла делать вид, что у нее хватает сил идти дальше. Может быть, они оба просто обманывают друг друга, притворяясь сильными.

Команда выбиралась из трюма. Бывшие солдаты Объединенного патриотического фронта, которыми командовал Ошо, и матросы капитана Альмади. Матросы уже объясняли солдатам, что делать, и все пытались как-то разобраться в происходящем.

Двое матросов вынесли на палубу Амзина Лорку, старшего помощника Альмади. Из груди у него торчал металлический осколок, и Маля сразу поняла, что он мертв.

Где же Альмади?

Внизу, в доках, солдаты Тула пытались объединяться в большие группы. Его Кулаки, Когти и Клыки. Крошечные биодизельные ялики заводили двигатели и пересекали прямоугольное озеро перед дворцом, надеясь разыскать выживших, которых не было.

Пока войска действовали довольно упорядоченно, но, едва разнесется весть о смерти Тула, война начнется снова. Все командиры, войска и фракции, которых Тул покори́л и забрал в свою армию, снова разделятся.

И будут сражаться, чтобы заполнить оставшуюся после него пустоту.

Или же какой-нибудь лейтенант или капитан поумнее решит, что пора сваливать из этого ада раз и навсегда, и просто отберет «Быструю». В любом случае к этому моменту Мале нужно оказаться подальше отсюда.

Дул штормовой ветер, и огонь распространялся дальше. Развалины дворца горели нестерпимым жаром. Всего несколько часов назад она была там, получала деньги от управления снабжения и логистики за доставку боеприпасов и ставила печати на пропуска, чтобы вывезти груз.

Картины. Скульптуры. Артефакты времен революции. Старые музейные экспонаты, которые так ценятся на аукционах Побережья.

Если бы день сложился немного по-другому, она могла бы так и остаться внутри. Она могла бы сидеть рядом с Тулом, пока он вместе со своими офицерами планировал бы атаку на Армию Бога. И теперь она превратилась бы в дым и пепел и поднималась к небу, чтобы встретиться с богами войны, которых Тул считал своими.

Ошо вернулся с капитаном Альмади. Капитан была высокой, статной и, по меркам Затонувших городов, очень старой.

Ей было за тридцать.

Когда Маля и солдатики Ошо впервые сбежали из Затонувших городов с картинами и артефактами, Маля пустила вырученные деньги на покупку «Быстрой» и наняла Альмади и ее команду для управления кораблем. Это соглашение оказалось прибыльным для всех, хотя иногда доставляло всем неудобства.

Судя по лицу женщины, Ошо ее здорово задел. Маля разглядела у них за спинами еще одного человека. Судя по голубому сиянию электронных имплантов на месте ушей, это был один из солдатиков Ошо, Ван, который радостно улыбался, несмотря на царящий вокруг хаос. Или благодаря ему. Мальчик оказался на войне совсем юным и поэтому мыслил довольно странно.

– Видели, как грохнуло? – Ван едва сдерживался. – Эпический бум! – Он перегнулся через фальшборт, любуясь пламенем: – Огненные иглы и взрыв, детка!

Маля не обратила на него внимания.

– В каком состоянии корабль? – спросила она у Альмади.

Ошо ответил первым:

– Капитан говорит, что мы не потонем. Можно уходить.

Альмади мрачно посмотрела на него:

– Нет. Я говорю, что мы получили серьезные повреждения и еще не до конца оценили их.

– Она говорит, что мы не потонем, – повторил Ошо.

– Прямо сейчас мы никуда не пойдем, – возразила Альмади, – я вовсе не говорила, что мы можем выйти во время урагана третьей категории и надеяться выжить.

– Тут, может, и меньше третьей категории, – сказал Ошо.

Альмади взглянула на небо:

– Ветер усиливается. Я не выхожу в шторм, и именно поэтому я до сих пор жива. Я не безрассудный ребенок.

– Мы потеряли Дымку, – сообщил Ошо, – он ударился головой и проломил себе череп. Истек кровью. Альмади потеряла Лорку.

Выражение лица Альмади ясно говорило, что Лорка был опытным моряком, который погиб как раз тогда, когда был нужнее всего, и что судьба Дымки ее нисколько не волнует.

– Кто еще? – спросила Маля.

– Кто еще? – изумилась Альмади. – А этого недостаточно? Я еще не успела даже устроить перекличку. Пройдет еще какое-то время, пока я пойму, может ли корабль вообще куда-то идти, не говоря уж о шторме.

Мале очень захотелось схватить ее за плечи и хорошенько потрясти. Она что, не видит, что все разваливается? Вместо этого она сунула протез в лицо Альмади.

– Видите это? – Она повертела искусственной рукой, демонстрируя капитану механический скелет, вороненую сталь и крошечные суставы. – Когда я потеряла руку, я сочла себя везунчиком. Видите Вана? – она указала на бывшего солдата у фальшборта. Импланты сияли в густеющей темноте. – Видите, что у него с ушами?

– Вы не знаете, что...

– Я знаю, что случается с людьми, которые медлят! Видите тех солдат? Они служили минимум в пяти армиях. Думаете, они сильно друг друга любят? Будут друг друга беречь? Они боялись Тула. Они хранили верность Тулу. Но он погиб. И прямо сейчас приблизительно двадцать капитанов в разных частях города начинают снова думать самостоятельно. Думать, чего они хотят. Кому доверяют. Кого ненавидят. Они прекратили сражаться не потому, что забыли о ненависти. Тул вынудил их прекратить. Его больше нет, и я гарантирую, что любому из них пригодится этот корабль. А вот мы точно никому не пригодимся.

– Что хорошо в урагане, – заметил Ван, – так это то, что он просто тебя убивает. А вот отродья войны, – он постучал по импланту, – им важно разобрать тебя на части.

Ошо решительно кивал, соглашаясь.

– Если у нас есть возможность уплыть, любая, мы должны уплыть, капитан.

Альмади посмотрела на пылающий город, потом на черные тучи. Скривилась.

– Мне надо получить полный отчет о повреждениях. Потом я подумаю, что можно сделать.

– У нас мало времени, – подчеркнула Маля.

– Вы наняли меня управлять кораблем! – рявкнула Альмади. – Мы договаривались, что я принимаю все решения на этот счет. Вы занимаетесь торговлей. Я занимаюсь «Быстрой».

Ошо многозначительно взглянул на Мале. Она знала, о чем он думает. Он предпочел бы свистнуть своих мальчиков, наставить на Альмади ствол и решить проблему так, как принято в Затонувших городах.

Маля качнула головой. «Не сейчас».

Ошо пожал плечами. «Как знаешь».

Дело в том, что команда «Быстрой» была верна Альмади. Маля платила им деньги, но их верность принадлежала капитану. Они не смогут пройти сквозь шторм без команды. Маля постаралась говорить мягче:

– Я очень сочувствую вашей потере. Мне жаль Лорку. И вы действительно знаете корабль лучше нас. Но мы знаем Затонувшие города, и если война начнется снова... – Она тронула свой протез. – Есть вещи и похуже штормов.

– Я не знаю. Просто не знаю. – Альмади подняла руку, не желая слушать возражений. – Я постараюсь ускорить проверку корабля. Потом поговорим.

Она ушла, качая головой. Маля схватила Ошо за руку:

– Иди за ней. Может быть, мы могли бы просто отплыть от берега и найти там якорную стоянку, бухту, где переждать шторм... что угодно, лишь бы уйти отсюда. Уговори ее.

– Понял, – резко кивнул Ошо.

– И узнай, что это на самом деле за шторм, – крикнула она вслед.

– Какая разница? – спросил Ван. – Категория один. Категория два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Это все равно лучше пули в голове. Если эта дамочка откажется плыть, я сам отрежу ей уши, чтобы она поняла, как живут в Затонувших городах.

Маля мрачно взглянула на него.

– Шучу! – Он поднял руки. – Шучу!

Только когда Ван ушел вслед за Ошо и капитаном, Маля позволила себе снова посмотреть на горящий дворец.

Он был разрушен до основания. Как будто Бог Войны обрушил на него гигантский пылающий кулак, позаботившись о том, чтобы ничто не устояло и никто не выжил. Стер его с лица земли. Леди Кали растоптала его, но Мария Милосердная не пришла вслед за ней...

Мале трудно было поверить, что Тул погиб. Она помнила, как в джунглях он уничтожил целую стаю койволков, которая напала на нее. Дикий получеловек с окровавленными челюстями протянул ей еще горячее сердце мертвого койволка, предлагая дружбу и настоящую связь.

Стая. Он называл это стаей. Он был ее стаей, а она – его. И он был сильнее, чем сама природа.

А что теперь? Он растаял. Испарился. Не осталось ничего. В глубине души ей хотелось броситься к пожару. Искать его. Представить, что его можно спасти. Она стольким ему обязана...

– Пожалуйста, не говори, что ты туда собираешься.

Ошо вернулся. Он спокойно смотрел на пожар и на отчаянные и безрезультатные попытки спастись. Маля сглотнула, пытаясь справиться со своим горем.

– Нет. Не собираюсь.

– Вот и хорошо. Потому что на секунду мне показалось, что ты отродье войны, готовое пожертвовать собой без цели.

– Нет. Я не такая. – Она снова сглотнула. «Горевать будем потом». Тул мертв. Он бы смеялся над ней, если бы она не мыслила стратегически. – Там невозможно выжить.

– Капитан говорит, что мы можем плыть, – сказал Ошо.

– Ты ее заставил?

– Самую чуточку. – Ошо пожал плечами. – Мы пойдем к бухте дальше по Побережью. Пара часов ходу, если все пойдет хорошо. Там мы сможем переждать любой шторм. Она так думает.

– Хорошо. – Маля отошла от борта. – Тогда уходим отсюда.

– Мы вернемся?

– А ты как думаешь?

Ошо посмотрел на горящий город и поморщился:

– Жаль. Хорошая была добыча.

– Ну, – Маля кисло улыбнулась, – ничто не вечно.

– Да, пожалуй.

Маля не знала, выглядит ли она так же спокойно, как и Ошо. Два человека, которые притворяются сильными.

Через несколько минут начали ставить паруса. Механические шкивы скрипели и визжали, веревки ползли по побитым, кривым блокам. Карбоново-нейлоновые паруса захлопали, расправляясь, а потом надулись под свежим ветром.

Наверху клубились черные облака. Ветер гулял по палубе. Начался дождь, по спинам колотили крупные, тяжелые капли. Серые волны Потомака под дождем покрывались рябью.

Сквозь дождь она различала Аиста, Стика, Гаму и Цента, которые возились, пытаясь отвязать корабль. Маля встряхнулась и побежала помогать. Веревки наконец поддались.

«Быстрая» зашевелилась, следуя за ветром. Клипер был настоящим инженерным чудом, предназначенным для борьбы с любой погодой, но Маля все равно молилась, не уверенная, что после взрыва корабль переживет надвигающийся шторм.

Корабль уверенно набирал скорость. Из доков за ними следили солдатики. Кто-то тыкал руками в их сторону, думая, наверное, не нужно ли задержать корабль, но пока еще никто не отдавал приказов. А без командиров солдатики были ни на что не способны.

«Быстрая» спешила вперед, раздвигая носом серый туман. Паруса надулись до отказа. Корабль качало – они достигли моря. Маля и ее команда разбежались по местам, готовясь бороться с волной.

Они были так заняты, что не заметили обломок, всплывший перед ними. Он показался на поверхности, похожий на бревно, налип на корпус, как водоросль или мусор, который скоро смоем волной.

Только этот обломок полез вверх.

Отчаянно цепляясь руками, он восстал из воды, медленно, но неудержимо, вытянул себя вверх и наконец уцепился за кормовой рейлинг, болтаясь за кормой.

Это было чудовище, истерзанное и жуткое. Создание, восставшее из ада, обгорелое и изорванное. Оживший монстр, пышущий жаром, несмотря на ливень.

Корабль шел вперед, разрезая волны.

На борту у него был неучтенный пассажир, обгорелый и дымящийся.

Пылающий гневом.

5

– За кровь, – прошептал генерал Кароа, – за кровь и историю.

И за конец ночным кошмарам.

Он поднял бокал с коньяком и посмотрел в окно своей каюты.

В шести тысячах метров под ним раскинулся Тихий океан – огромное, сияющее от лунного света пространство. На этой высоте уже можно было представить, что смотришь на другую планету, на моря ртути, на темное, неисследованное место.

Во многом так оно и было. Большая часть мира погибла в конце Эпохи ускорения, не пережив катастроф. Наводнения и цунами. Ураганы. Эпидемии и неурожай. Голод и войны опустошили планету, и огромные территории еще предстояло освоить заново.

И он занялся этим. Более тридцати лет он приходил на новые земли, подавлял восстания и устанавливал власть «Мерсье».

Каюта у него была такая, какая полагается человеку его положения: просторная, украшенная его военными трофеями. Ковер в память о нападении североафриканцев на Суэц, кинжал, вырезанный из китового уса, – сувенир на память о битве за Северо-западный проход.

На одной полке мягко светились бутылки с бренди, привезенные с сельскохозяйственной войны во Франции, а на другой, прямо над ней, громоздились книги, напечатанные на настоящей бумаге. Сунь Цзы, Клаузевиц, Шекспир. Некоторые тома очень старые, и все невероятно роскошные, учитывая ограниченное пространство и грузоподъемность дирижаблей класса «Нарвал».

«Аннапурна» брала на борт почти пять тысяч человек. Пятьсот человек командования и инженеров, две тысячи человек морской пехоты. Здесь помещались дроны, орудия, отдел логистики, командный центр, центр разведки... и все они подчинялись Кароа.

С палуб дирижабля, вооруженный электронными глазами и ушами, настроенными на спутники и следящими за перемещением войск и флота, генерал управлял четвертью планеты – обеими Америками, от полюса до полюса. Там, где его услуги нужны были корпорации «Мерсье».

На самой первой его нашивке красовалось изображение плюсового, стоящего на задних лапах, и слова: «Нападай быстро».

А еще ниже золотом были вышиты слова, которыми он руководствовался на протяжении всей своей карьеры: *Feritas. Fidelitas.*

Жестокость и верность.

Он потрогал нашивку и подумал, что теперь его кошмары могут закончиться.

Далеко под его ногами тянулась на север черная береговая линия – протекторат «Мерсье». Он различал костры в руинах Лос-Анджелеса и яркое ожерелье небоскребов «Мерсье», выстроенных на берегу залива.

У него ушла целая жизнь, чтобы оказаться здесь. Выше его не было почти никого. Он мог ожидать разве что включения в Исполнительный комитет компании, постоянно действующий совет, продумывающий стратегию «Мерсье» в одном из самых высоких небоскребов Лос-Анджелеса.

Если его повьсят еще раз, то шансы на продвижение кончатся.

Пораженный этой мыслью, Кароа подошел к письменному столу и проверил ситуацию перед сном. В Арктике велись перестрелки, неудобные Исполнительному комитету, – возможно, китайцы увеличили давление. Обычные проблемы с пиратством в Северо-западном проходе. «ТрансСибирия» и ее солдаты-инуиты пытаются взимать «пошлины» со всех товаров, которые следуют через полюс. Это неприятно, учитывая, что большая часть его войск сосредоточена далеко на юге, на Литиевых равнинах Анд. Чтобы перенести войска с низа мира наверх,

даже учитывая количество дирижаблей, понадобится какое-то время. Но зато по крайней мере солдаты уже экипированы на холодную погоду.

Генерал убрал с экрана всю информацию. Все может подождать. Он может хотя бы раз расслабиться и насладиться преимуществами своего положения. Он снова потянулся за коньяком.

Пискнул коммуникатор.

Кароа раздраженно спросил у компьютера:

– Кто там еще?

На настенном экране появилось знакомое лицо – молодое, энергичное. Аналитик. Кароа попытался вспомнить ее имя.

Кажется, он стареет...

Джонс, точно.

Юная настырная прыщавая Джонс. Бесящая Джонс. Старательная Джонс. Даже слишком старательная.

Судя по ее личному делу, она сдала пугающий квалификационный экзамен «Мерсье» лучше девяноста процентов участников. Высокая оценка позволила ей бросить прошлую жизнь и поступить на службу в «Мерсье». Стоило также заметить, что тесты она сдавала в шестнадцать лет. Значит, она, как и он, пришла в компанию очень рано и быстро росла.

Может быть, его беспокоило горячее дыхание соперников за спиной.

Он тоже когда-то был самым умным.

Но не надо только думать, что все так уж хорошо. Она, может быть, умная, как ракета с искусственным интеллектом, но она вышла с ним на связь в нерабочее время, нарушив тем самым все возможные протоколы о субординации.

– Лучше бы у вас были хорошие новости, младший аналитик Джонс.

Он потянулся к коммуникатору, собираясь выругать ее, но задумался. В конце концов настырная девица нашла его старого врага. Она просеяла кучу данных и обнаружила то, что другие упускали долгие годы.

И все-таки поощрять такую наглость не стоит. Он открыл коммуникатор и взглянул на нее:

– Почему бы вам не обратиться к вахтенному офицеру, младший аналитик?

Она подавилась словами.

– Вы любите мыть окна на высоте шести тысяч метров?

– Простите, сэр, – дрожащим голосом сказала она, – но вы... должны это увидеть.

Кароа чуть не сорвался. Он никогда не был суеверен, и мало кому удавалось его напугать. Он сражался на всех семи континентах и мог доказать это, продемонстрировав коллекцию скальпов. И все же голос аналитика его нервировал.

– В чем дело?

– Я прошу прощения за то, что беспокою вас, сэр...

– Вы уже это сделали, – рявкнул он, – забудьте!

– Я... я решила, что вам стоит на это взглянуть.

– Вы хотите, чтобы я поднялся к вам?

Она явно испугалась, но все же справилась с собой.

– Да, сэр. Вы должны увидеть это своими глазами.

* * *

Пять минут спустя Кароа поднялся на мостик и зашагал к центру стратегической разведки, на ходу застегивая китель.

Рой и Щепка, двое громадных плюсовых из морской пехоты, отступили в стороны при его появлении. Собако-росомаха и тигр. Жестокие убийцы. Они маячили поодаль, пока Кароа смотрел в объектив камеры. Когда знакомый красный луч коснулся глаза, он моргнул.

Системы безопасности просканировали сетчатку, определили его должность и наличие допуска в центр разведки. Сканер пискнул, подтверждая. Рой и Щепка расслабились. Они его знали, но все равно смотрели каждый раз. В отличие от людей они никогда не ленились и не забывали о своих обязанностях.

Feritas. Fidelitas.

Пуленепробиваемая дверь скользнула в сторону, выпустив облако теплого воздуха. Послышалось клацанье клавиатур и гул голосов – аналитики переговаривались, сидя за компьютерами. Кароа пробрался между рабочими станциями. Аналитики отдавали ему честь, когда он проходил мимо, и немедленно возвращались к работе, без усталости следя за ходом операций «Мерсье».

– Что у вас такого важного, Джонс?

Она говорила что-то вахтенному офицеру, и при его появлении оба замерли. Аналитик выглядела менее уверенно, чем во время разговора – возможно, она наконец поняла, что побеспокоила командующего среди ночи. «Ну что, не такая уж ты дерзкая и умная?»

– Ну?

Джонс слышно сглотнула.

– Вот, сэр, – она показала на одну из станций наблюдения. Красная точка на экране медленно ползла по холодному синему полю. Другие точки, оранжевые, похолоднее и поменьше, болтались рядом. Люди. Изображение дрожало и раздваивалось, потом снова делалось четким.

– И что же это?

– Это... тепловая метка.

– Я вижу, что это тепловая метка. Зачем вы мне ее показываете?

– Это клипер. А это... это плюсовой, сэр. Он... он не умер, – проговорила аналитик, – он на корабле.

– Что? – Кароа бросился к экрану. – Это невозможно! Мы попали в него!

– Да, сэр, – подтвердил вахтенный, – удар попал точно в цель. – Он тоже ничего не понимал.

– Мы попали в него, – сказала Джонс, – но тем не менее вот он. Прямо здесь.

– Это может быть другой плюсовой, – возразил Кароа, – какой-нибудь пират. Это может быть торговый корабль с Побережья, они иногда нанимают полулюдей.

Джонс покачала головой:

– Нет, сэр. – Она склонилась над клавиатурой и начала вбивать команды. – «Хищник-один»... я покажу.

По экрану полетели кадры съемки. Мелькали изображения. Вспыхивал свет. В инфракрасном спектре отматывалась назад съемка удара. Дворец восстанавливался из руин, мертвые оживали.

Ракеты летели назад...

Аналитик замедлила воспроизведение.

– Прямо перед первым ударом, – пояснила она.

И снова. Знакомые последние секунды, которые он уже видел. Люди, бродящие по дворцу. В углу кадра тикал счетчик – до ракетного удара оставались секунды. Все верно. Генерал не видел ничего необычного.

Две секунды до попадания ракет. Последний судорожный рывок плюсового, почувствовавшего их приближение.

Генерал сжал зубы, следя за происходящим. Плюсовой двигался быстро. Они все двигались невероятно быстро, поэтому корпорация их и использовала. А этот был лучше всех

остальных. Но никакой магии в них не было. Как бы ни оптимизировали их ДНК, плюсовые все равно состоят из плоти и крови. Они просто живут. А потом просто умирают.

– Первый удар, – пояснил вахтенный.

На экране вспыхнул шар слепящего света. Джонс остановила запись.

– Секунда до второго удара, – сказала она и нажала несколько кнопок, – я включила повторное воспроизведение и отфильтровала по уровню тепла. Искала самые холодные объекты. – Она указала на экран.

Призрачное пятно все еще двигалось.

– И что это? – спросил генерал. – Атака прошла как по учебнику.

Запись чуть-чуть сдвинулась вперед. Пятно начало нагреваться, как будто загорелось.

– Вот! Видите! Он горит! – воскликнул Кароа. – Ясно, как день!

– Да, сэр, – печально согласилась Джонс, – а вот и вторая ракета.

Второй шар огня и смерти взорвался на экране, и пятно вспыхнуло пламенем. Люди вокруг умирали, превращаясь в пепел.

Третий удар. Всего через несколько секунд.

Секунда... полторы... две секунды...

– Он мертв, – твердо сказал генерал, – он в самом эпицентре взрыва.

– Я не закончила, сэр, – обиженно сказала Джонс.

Кароа заподозрил, что она выбирала тот же оскорбленный тон на занятиях, демонстрируя своим инструкторам, что она куда умнее их.

– Датчики «Хищника-один» сгорели. Но на «Хищнике-два» все в порядке. Так что я решила посмотреть еще раз.

– Как это пришло вам в голову?

Джонс и вахтенный офицер виновато переглянулись.

– Ветер был удачный, так что топливо не тратилось, – сказала она, но потом под суровым взглядом вахтенного все-таки призналась: – Мы... то есть я хотела посмотреть, что там осталось. Я никогда не запускала по шесть ракет зараз.

– Ее первая ракета упала, – пояснил вахтенный офицер, немного улыбаясь ее желанию любоваться разрушением и смертью. Кароа тоже помнил и понимал эту тягу – увидеть божественную мощь, которую сам направил, посмотреть, что осталось за ним. Всего несколько кодов – и мир охвачен пламенем и превращается в раскаленную магму.

Эта тяга никуда не девается. Даже у стариков.

Кароа сдержал улыбку, не желая потакать Джонс. Вместо этого он вздохнул:

– Хорошо. Показывайте.

Джонс явно стало легче.

– У меня ушло какое-то время, чтобы привести туда «Хищника» и получить информацию. Там начинается ураган, так что видно плохо, а датчики на «Хищнике-два» не такие уж и хорошие, так что пришлось повозиться, – она постучала по экрану пальцем, – видите?

Экран все еще заливало белое пламя. Там и тут взрывались канистры с топливом и боеприпасы. Вода в огромном прямоугольном озере, раскинувшемся перед древним капитолием, тоже, казалось, горела. Но в воде краснело одинокое пятно, которое двигалось.

Камеры потеряли изображение.

– Шторм, – извинилась аналитик.

Изображение вскоре вернулось, довольно четкое, хоть и дрожащее. Большая тепловая метка двигалась. Ровно, решительно. Подальше от пожара.

Как аналитик и сказала, камеры тут были совсем не так хороши, как на «Хищнике-один». «Хищник-два» предназначался для убийства, а не для слежки. Но большое живое существо куда-то двигалось... и оно очень сильно нагрелось.

– Он горит, – прошептал генерал.

– Да, сэр. Мне тоже так кажется. Плюсовой все еще горит, даже под водой. Я думаю, его зацепил первый удар и, может быть, чуть-чуть задел второй, но потом...

– Мы промахнулись.

Пятно плыло дальше.

– Почему он не умер? – спросил вахтенный офицер, глядя на экран. – Любой бы умер.

– Они так устроены, – сердито пояснил генерал, – они почти не чувствуют боли и страха. Это великолепное оружие.

– Да, сэр. Но это... неестественно. Даже для плюсового.

Генерал сжал зубы. Вахтенный не представлял, насколько прав. В юности Кароа верил, что не бывает слишком хорошего оружия. Теперь он жалел о своем былом энтузиазме. Слишком острым ножом можно порезаться. Пятно все еще двигалось, но уже медленнее.

– Он ранен, – заметил Кароа.

– Наверняка, – согласилась Джонс, – мы скинули на него довольно гадкую штуку. НН-119 даром не проходит. Думаю, он уже прогорел насквозь. Наверное, ему помогло длительное пребывание в воде. Удивительно, как долго он может оставаться под водой без кислорода.

– Они предназначены для подводных нападений, – пояснил генерал, – могут провести под водой добрых двадцать минут, если не больше.

– Интересно, а почему мы не оборудовали их жабрами? – спросил вахтенный.

– Мы пытались. Оказалось сложно совместить две системы дыхания. – Кароа нахмурился. – Неужели он еще двигается?

– В любом случае он медленно жарится, – сказал офицер, – посмотрите на метку. Если он двигается, это не значит, что он жив. Просто это займет чуть больше времени.

– Где он теперь? – спросил генерал.

Джонс ускорила воспроизведение. Пятно быстро-быстро поползло под водой, пересекло озеро, а потом... Исчезло в тени корабля.

– Шхуна класса «Скат», – сказала Джонс, – быстрый маленький корабль. Контрабандисты, скорее всего. Какое-то время цель пряталась под ней, потом поставили паруса...

Тепловое пятно появилось на корме.

– Значит, этот сукин сын нашел себе транспорт, – заключил генерал и посмотрел на тепловую метку. Все еще жив. Все еще держится, выходец из ада.

Экран заморгал.

– Это уже прямой эфир? – спросил он.

– Да, сэр. Начинается шторм, так что будут помехи. Скорее всего, категория два. Максимум три. Но все-таки плыть неприятно.

– Может быть, они утонут? – с надеждой предположил вахтенный.

Генерал мрачно взглянул на него, и вахтенный заткнулся.

Корабль боролся с волнами. Экран мигал из-за помех.

– Стреляйте в них, – приказал генерал, – утопите корабль.

– Сэр? – удивились Джонс и вахтенный офицер.

– Потопите корабль, – второй раз сказал Кароа, – может быть, плюсовой уже умирает, но, поверьте мне, тут лучше подстраховаться. Если он взбесится, это будет слишком опасно. Это как чертов ящик Пандоры. Потопите корабль. Никто не заметит. Там никого нет, ничья земля. Это совсем не то же самое, что потопить конкурентов в Южно-Китайском море. Корабли все время тонут, особенно в шторм. Стреляйте.

– Сэр, – возразила Джонс, – мы использовали все боеприпасы. У нас больше нет готовых ракет. Чтобы подтянуть «Хищников», уйдет несколько часов. К этому моменту разыграется буря и полет станет невозможен. – Экран снова вздрогнул. Джонс нахмурилась и тронула несколько кнопок. Изображение вернулось. – Я уже с трудом за ними слежу.

– Вы имеете в виду, что мы скоро потеряем след?

Джонс виновато посмотрела на вахтенного, который тоже выглядел невесело.

– Да, сэр.

– Храни нас Норны.

У генерала по спине поползли мурашки: старый страх, старые воспоминания. Он пальцем оттянул воротничок, чтобы стало легче дышать. В центре стратегической разведки неожиданно сделалось слишком жарко. Почувствовав начинающийся приступ клаустрофобии, генерал сосредоточился на текущей задаче.

Это его вина. Он его упустил. Нужно было оставить резерв.

Как глупо, глупо, глупо.

Он понял вдруг, что ощупывает шрамы на лице, вспоминая о старых ранах.

Застонав, Кароа оторвал руку от искалеченной плоти, залечить которую до конца не смогла даже клеточная хирургия. Ситуация изменилась. Теперь он хозяин положения.

Он посмотрел на клипер, который уходил все дальше в шторм.

– Найдите его, – велел он, – найдите корабль. Узнайте регистрационные данные. Отслеживайте его передвижения.

– Это контрабандисты, сэр. Я не думаю, что они сообщают о своих передвижениях.

– Аналитик, подумайте головой! Докажите, что вы не только тесты сдавать умеете! Контрабандисты возят контрабанду! Им нужно где-то скидывать груз. Им нужно продать то, что они вытащили из этой адской дыры. Прочешите восточное побережье! Манхэттенский Орлеан, Приморский Бостон, Миссисипи-Метро. Залив, Острова. Проверьте лондонские регистры, если понадобится!

Он посмотрел на инфракрасную метку получеловека, который все еще болтался на корме. Пузырь жара под плетью дождя и ветра.

Может быть, он умрет сам. Генерал подавил эту мысль. Нищие духом молятся Кали-Марии Милосердной, чтобы дамбы не треснули. Дураки просят Норн отвести ураган. Глубоководные христиане молят своего бога смыть их грехи. Все это не для солдат.

Солдаты смотрят реальности в лицо – или умирают.

– Этот корабль куда-то идет, – сказал Кароа, – выясните куда. Мы накроем их после шторма.

6

Тул цеплялся за клипер, который карабкался на очередную гигантскую волну, а потом сбегал по ней вниз. Дождь жестоко колотил его по спине. Волны лизали Тула, когда корабль скатывался вниз. Он с трудом держался на месте.

Вся его кожа сгорела, но он почти не чувствовал боли. Он был страшно ранен, его нервы сгорели в пепел, и ожоги от ракетного удара все углублялись. Даже сейчас его обгоревшая плоть дымилась и излучала тепло.

От него пахло, как от койволка, которого его солдатики однажды поджарили на костре, когда еще только начали отвоевывать Затонувшие города. Тул вдруг понял, что они все мертвы. Все, кто сидел вокруг того костра. Пень и Саша. Алли-О. Мог и Мот. И все остальные. Он помнил, как загорелся Пень, как его тело охватило пламя, когда Тул рванулся прочь.

Человеческая плоть превратилась в пепел. Он не успел даже вскрикнуть.

«Моя стая».

Корабль полез на очередную волну, и Тул опять вцепился крепче. Он чувствовал, что слабеет, и понимал, что ему плевать. Его государство рухнуло, не успев начаться. Его солдатики...

Они не были ему родственниками, но были стаей. А теперь они все погибли в мгновение ока, став добычей другого хищника, посильнее.

Тул скривил губы. Острые клыки блеснули, когда небо прорезала молния.

«Я не дичь».

Память. Мантра. Его истинная натура. То, что он скажет богам, которые поливали его огнем и пытались стереть с лица земли.

«Я не дичь».

Ни один человек не пережил бы ракетный удар. Только такой, как он, созданный противостоять всем ударам войны. Созданный, чтобы выживать. Чтобы жить, когда остальные, слабые, уже погибли.

А может быть, он обманывает себя. Может быть, он уже мертв, но еще не понял этого. При определенной температуре любой белок сворачивается. Просто на то, чтобы умереть от ожогов, уйдет время.

Он понял вдруг, что уже помнит это. Помнит огонь, льющийся с неба. Помнит, как вся его стая сгорела и погибла, но продолжала двигаться еще несколько часов, не понимая, что все уже мертвы.

«Меня уже сжигали раньше».

Пришло воспоминание: мутная взвесь отдельных образов. Плюсовые, похожие на него самого, горят и кричат от гнева, превращаясь в столбы пламени...

Волна соленой воды окатила Тула, возвращая его в настоящее. Еще одна волна ударила корабль в борт, и вода побежала по наклонной палубе. Тул держался.

Капитан корабля упрямо пытался лезть прямо в шторм, но корабль был не в лучшем состоянии. Еще одна огромная гора воды накатила сзади. Когда она схлынула, у Тула заскользили пальцы. Он судорожно выбросил руку вверх, с трудом зацепившись за край борта. Пенящаяся волна накрыла его с головой.

Корабль чудесным образом выровнялся и пополз дальше вперед. Тул вынырнул на поверхность, отплеываясь. Щурясь под секущим дождем, он видел, что вся команда выскочила на палубу и воюет с веревками, пытаясь поставить больше парусов. Он понял, что автоматические лебедки сломались, так что придется спасаться своими руками.

«Вы сами создали эти штормы. Это – ваши создания. Теперь вы пытаетесь выжить».

При виде людских мучений он почувствовал мрачное удовлетворение. Они всегда так делают. Бросаются навстречу опасности, ни о чем не думая и надеясь, что смогут выиграть. А потом умирают.

Очередная волна накрыла корабль. Лопнул канат. Матросы разлетелись по палубе и попадали в море, и даже крики их заглушил ветер.

У них нет шансов. Жалкие людишки не выживут, если он им не поможет. Тул перевалялся через фальшборт, с трудом сдерживая стоны – осколки от взрыва кололись под кожей. Он обгорел, почти лишился кожи, заполучил сотню дыр в шкуре, но раз он чувствует боль, значит, он еще не спекся до смерти. Пока есть боль, есть жизнь. Боль была его союзником, она гарантировала, что сердце все еще бьется, когти могут рвать, а челюсти – крушить.

Тул потянулся вперед, держась за фальшборт. Воды было ему по пояс. Мимо проскользил человек, и Тул схватил его за запястье.

– Держись! – закричал он. Матрос в ужасе кивнул, глядя на Тула.

Молодой. Совсем мальчик. Без ушей, со старым шрамом из трех полос на щеке. Он еще не стал мужчиной, но уже должен погибнуть. Тул втоптал мальчика обратно на борт, и мальчик снова закрепил страховочный линь.

Он бросился через весь корабль, крича что-то. Тул не различал слов, но предугадывал их значение. Матросы боролись с грот-мачтой, пытаясь поставить парус. Без него никуда.

Тул собрался и прыгнул. Ударился об мачту и еле успел вцепиться в нее, прежде чем ударила очередная волна. Матрос, который тащил одну из веревок, посмотрел на него испуганными глазами. Знакомыми глазами.

– Маля!

Она не ответила – их накрыла очередная волна. Тул схватил ее, пока девочку не смыло. Оба они держались за мачту.

У Тула чернело в глазах, но он держался. Силы уходили. Океан нападал на него, не заботясь о том, что Тул тратит последние резервы. Он как будто чувствовал, как утекают силы.

Океан огромен, а они слабы.

Пришла чернота, и боль отступила. Он все-таки умирал. Они сумели его убить. Тул оскалил зубы, ненавидя себя и своих врагов.

Собрав последние силы, он вцепился в заклинившую лебедку. Снасти бессильно повисли. Он оторвал ее и ударил об мачту. Раз, другой.

Металл треснул.

Тул схватил снасти в зубы и вырвал из лебедки. Борясь со слабостью, он дернул одну из веревок. Парус медленно пополз вверх.

Он снова дернул, и парус поднялся выше, надуваясь под штормовым ветром. Наконец он наполнился, и корабль рванулся вперед. Тул шатался под порывами ветра. Если они будут двигаться, у них останется надежда. Резать волны, опережать их. И все же он не мог тянуть дальше. Он с трудом удерживал веревку, которую ураган вырывал из рук. Он рухнул на колени.

Маля оказалась рядом и закричала что-то, чего он не услышал. Он обмотал веревку вокруг ладони, закрепил узлом и упал на мачту, не выпуская снасти, заставляя парус оставаться на месте. Он чувствовал, что корабль идет вперед.

Вокруг появлялись люди.

Люди, слабые хрупкие люди. Они, как муравьи, постоянно работают, тщетно на что-то надеясь. Он почувствовал, как его притягивают веревками к мачте. Он слышал, как Маля резким голосом отдает команды, но не понимал смысла слов – их уносил ветер.

А потом наступила чернота.

7

Тул чувствовал запах своего Когтя. Они все были заперты в жаркой тесноте штурмового катера. Мокрый мех, ружейное масло, океанская соль, железный запах крови, гниющая рыба, горящий пластик. Они были упакованы в трюм плотно, как потные сардины. Воздух казался густым и тяжелым. Он чувствовал кровавое дыхание своего Когтя. Все они дышали запахом друг друга.

Feritas. Fidelitas.

Углепластиковый корпус вибрировал – двигатели работали, они летели к берегу. Катер гремел, забираясь на волны. Внутри было шумно, как будто без усталости колотили молотками. Коготь Тула качался взад-вперед, повинаясь рывкам катера. Никто не жаловался. Скорость важнее всего.

Скорость, противодействие радарам и удача.

Гул взрыва перекрыл шум внутри катера.

Уши насторожились. Мاستифы морды озабоченно нюхали воздух. Близкий промах, скорее всего. Ракетный удар. Наверное, в океане, совсем рядом, члены их стаи гибнут. Обломки костей и ошметки плоти мешаются с осколками второго катера. Прогремел второй взрыв.

Возможно, все уже мертвы и в живых остались только они.

Возможно, они никогда не достигнут берега.

Катер рвался вперед, поднимая волны, без усталости таща к берегу свой ценный груз.

Еще взрыв, совсем близко. Катер дернулся и задрожал.

Кто-то упал. Воздух наполнил густой запах свежей крови, но никто ничего не сказал. Катер снова бросился вперед, и снова загудели волны. Коготь одобритительно зарычал. Они не умрут в воде. Они выйдут на берег. Они будут сражаться.

Включился свет. Красные вспышки.

Красный, красный, красный.

Коготь готовился. Двигаться было сложно, так много их было. Они проверяли оружие и снаряжение друг друга. Крепить снаряжение. Подтверждение. Так держать. Оскалить клыки.

Красный. Красный. Красный.

Зеленый.

В корпусе катера открылся проход. Внутри ворвался тропический ветер.

Вперед, вперед, вперед.

Они высыпали наружу. Пять секунд, и все оказались в воде, рухнув в нее со скоростью восьмидесяти узлов. Погружение. Сориентироваться в пространстве. А теперь плыть прямо к берегу, пока артиллерия лупит по поверхности воды, ничуть не мешая их продвижению.

Они выходили из приливных волн и бежали вперед, и вода лизала их ноги. Пули свистели мимо. Катера, выброшенные на берег, горели, подожженные с укреплений. Тулу и его Когтя предстояло пройти сквозь ад.

Тул заревел и бросился вперед по черному глинистому берегу. Его братья и сестры были рядом, и все они кипели яростью и жаждой убийства.

Люди ждали. Медленные, жалкие, тупые люди.

В одной руке Тул держал мачете, в другой – пистолет. Он стрелял, и люди умирали, разорванные на куски. Тул спрыгнул в окоп, слыша и чувствуя: Коготь рядом. Ему не нужно было смотреть на них, не нужно было говорить, он слишком хорошо их знал. Он взмахнул мачете, собирая кровавую жатву. Люди падали перед ним, как стебли пшеницы.

Он торжествующе заревел, и рев его смешался с хором Когтя, Кулака, Стаи, Взвода и Компании. Все они приносили жертвы во имя своих лидеров.

У Бога Войны есть дети.

И даже сейчас, в бреду, Тул знал то, чего не знал тогда. Было слишком легко. Настоящая резня только начиналась, и контратака была неизбежна. Празднуя вместе с братьями кровавую победу, Тул горевал по своему Когтю – сердца слишком многих из них достались Тигровой страже Калькутты.

Но даже это было не больно. Больно было знать, что его боги обрушат огонь на его голову.

8

Маля склонилась над Тулом, пытаясь остановить кровь из десятков осколочных ран. Спина плюсового выглядела как один сплошной волдырь.

– Хреново ему, – заметил Ошо.

– Это уже падаль, – согласился Ван, – ты уверена, что есть смысл его лечить?

– Раньше было хуже, – возразила Маля, исследуя очередную обугленную дыру на том месте, куда вошел раскаленный добела осколок.

– Я просто говорю, что это падаль. – Ван переступил через ручеек крови, текущий по палубе. – Я даже не знал, что у собакорылых столько крови.

В солнечном свете огромное тело Тула казалось красным. Даже сейчас, когда она уже зашила столько ран, кровь все равно текла, похожая на рубины. Десятки ран и царапин еще не были зашиты. Часть плоти обгорела так сильно, что найти осколки под обгорелой коркой не получалось. Жужжали мухи, пируя, и вязли в густеющей крови Тула.

«Быстрая» стояла на якоре в маленькой бухте, качаясь на ярких синих волнах. Капитан Альмади изучала поломки после шторма. После того как отказали автоматические паруса, Альмади категорически отказывалась выходить в море, пока ее все не устроит, и Маля, которая мечтала доставить Тула в нормальный госпиталь, вынуждена была согласиться. Они чуть не утонули, и рисковать ей больше не хотелось.

Маля вытерла лоб предплечьем и выпрямилась. Над ней кружил шершень – огромный, черно-желтый, привлеченный грудой мяса, в которую превратился Тул. Второй жужжал под ухом.

– Уберите их, – велела она, напрасно отмахиваясь от насекомых, – они не должны отложить яйца в его ранах.

– А как их остановить? – усомнился Ошо.

– Он вообще живой? – спросил Ван. – Пахнет, как бекон.

– Он живой. Поверь, – сказала Маля, – бывало и хуже.

– Правда?

– Просто принеси еще сращивателя.

– А все, он кончился, – сказал Ван.

– Весь? – строго спросила Маля.

– Я тут ни при чем! – Ван поднял руки. – Ты тыкала в него иглами, как будто он игольница! Понятно, что на такого монстра ушли все запасы. Сто кубиков для него капля в море. Я раз пять ходил мимо Альмади, чтобы принести тебе все нужное!

– Что у нас осталось?

– Литра четыре клеточного склеивателя, но и он скоро кончится. Эта тварь впитывает лекарства, как губка.

– Принеси склеиватель.

– Ты уверена? Он все равно умрет, зачем тратить хорошие лекарства?

– Он не умрет! – рявкнула Маля.

– Он пахнет, как бекон.

– Вали за склеивателем, – велел Ошо, – мы бы не пережили этот шторм, если бы не он.

– Для начала нам не пришлось бы убегать, если бы в него не кинули бомбу.

– Ван...

– Я просто хочу сказать...

Ошо мрачно посмотрел на него.

– Уже иду, – согласился Ван.

Солдатик нырнул в люк, но не замолчал.

– Кто-то хотел его убить, и мы тоже чуть не подошли. Мне что-то не кажется, что мы ему чем-то обязаны после всего этого.

Маля устало покачала головой.

– Только хотел сказать...

– Не надо его ненавидеть, – сказал Ошо, – большая часть команды согласна. Мы бы не оказались в море в шторм, если бы не этот ракетный удар. – Он присел рядом с ней и понизил голос: – И нам тоже могут понадобиться лекарства, согласись. Несколько человек ранено. Чам и Скворечник. Их только что перевязали. И кто знает, что случится, пока мы не доберемся до порта. Альмади не понравится, что мы использовали все ее лекарства.

– Это мои лекарства, – мрачно сообщила Маля, – они принадлежат мне, а не Альмади.

– Я только...

– Только хотел сказать?

– Ладно тебе, Маля. Дело не в этом.

Маля нахмурилась, жалея, что не может как следует разозлиться на Ошо, но он всего лишь озвучивал те же сомнения, которые мучили ее саму. Это бесило ее в Ошо сильнее всего: бывший солдатик был на удивление практичен. Он называл все вещи своими именами и никогда не отказывался от своих слов и идеалов. Если учесть, что большую часть жизни он провел среди ненормальных убийц, его можно было бы считать едва ли не святым. Наверняка другие солдатики шли за ним именно поэтому. Они все верили, что он видит общую картину, что он позаботится, чтобы они остались в живых, что он не станет лгать им или себе.

У Ошо никогда не было иллюзий.

Но прямо сейчас ей не нужен был практичный человек. Ей нужен был кто-нибудь, у кого хватит дурачества поверить, что все возможно.

– Просто помоги мне, ладно? – Она махнула протезом. – Я не могу этим шить.

Ошо мгновение смотрел ей в глаза, потом кивнул и взял нитку из металлических пальцев. Посмотрел на истерзанное тело получеловека, оборвал кусочек почерневшей кожи.

– Его поджарило.

– Может, ты помолчишь? Он ранен, – сказала Маля, – он поправится. Так всегда бывает. – Голос у нее дрогнул. – Его так просто не убить, поверь. Бывало гораздо хуже, я сама видела.

– Я тоже видел, как он поправляется, – согласился Ошо, – но это совсем другие раны. Это какие-то пижонские высокотехнологичные ракеты. Я никогда ничего такого раньше не видел. Даже китайские миротворцы не пользовались ничем подобным, когда торчали в Затонувших городах.

– Может быть, это потому, что они пытались все исправить, а не сжечь дотла?

– А эти люди хотят все просто сжечь. Это тебя не пугает?

– Именно для такой войны он и был создан, – напряженно сказала Маля, – он выживет.

– Может быть. Но к такому его явно не готовили. Вот я о чем.

Маля хотела возразить, но, честно говоря, она сама боялась. Она никогда раньше не видела такой войны. Мгновение – и весь мир пылает.

– Просто помоги мне шить. – Она не смотрела Ошо в глаза. – Я вытащила все осколки, но для тонкой работы мой протез не годится.

– Если эти люди выследят его или нас...

Маля дернулась, но Ошо не вздрогнул. Зеленые глаза с золотыми искрами смотрели на нее, не мигая.

– Иногда умереть нестрашно, – сказал он, – иногда, когда ты сохраняешь кому-то жизнь, ты просто причиняешь ему новую боль.

Мале захотелось его прогнать.

Но голос в голове услужливо напомнил, что он ей нужен. Он нужен, чтобы управлять солдатами. Он обеспечивает ей живую силу. Оружие. Защиту.

А еще он помогает ей держаться, сообщил тот же неприятный голос. Он спокоен, когда ей хочется уничтожить весь мир.

Но в этом и кроется проблема. Ошо спокоен, потому что видел слишком много. Он видел, как его солдатиков стреляют, режут и душат. Видел, как их разрывает взрывами на куски. Видел, как их размазывают падающие камни. Он видел, как людей выворачивает наизнанку. Видел их разорванными на куски, разбитыми, разрубленными. Смерть для Ошо не казалась трагедией: она просто иногда случалась.

Иногда сохранить кому-то жизнь – не благо.

Тул с трудом разлепил здоровый глаз. Желтый звериный глаз, горящий гневом.

– Я не пададь, – проревел он.

– Тул, – Маля обняла его, умирая от счастья, – я знала, что ты справишься.

Но несколько слов его окончательно вымотали. Огромная голова опустилась, и все тело обмякло. Дыхание с хрипом вырвалось из груди. Секунду Маля думала, что он действительно умер, но потом Тул задышал снова. Медленно, ровно и глубоко. Чудовище спало. Наконец-то.

– Видишь? – Маля ткнула Ошо в плечо. – Я же говорила.

Не успел Ошо ответить, как появился Ван с охапкой лекарств, которую он и бросил на залитую кровью палубу. Пакеты хлопнули. В солнечном свете они походили на медуз.

– Что я пропустил?

– Он заговорил! – Маля схватила один из пакетов и принялась налаживать капельницу. – Он выживет!

– Он не мясо, и он явно жив, – Ошо покачал головой, – не верится.

Несмотря на сомнения в голосе, он взял пакет с клеточным склеивателем из металлической руки Мали, умело наладил капельницу и начал внутривенное вливание.

Он помогал Мале.

Он был ее рукой.

9

Джонс отодвинулась от рабочей станции и протерла усталые глаза. Она вела охоту уже несколько дней и все еще не представляла, куда делся корабль. Она снова и снова пересматривала съемку с «Хищника», но не могла определить ни имя, ни порт приписки корабля. Слишком темно, и угол съемки неподходящий. Когда она управляла дроном, гавань ее совершенно не интересовала, и теперь в ее распоряжении было всего несколько разрозненных изображений корабля и его команды.

К тому же она совершенно вымоталась. С момента удара она толком не спала. Она постоянно видела последние мгновения перед ракетным ударом. Людей, которые не знали, что умрут через пару секунд.

Когда она впервые убедила Тори позволить ей пересмотреть съемку, чтобы полюбоваться делом своих рук, это казалось игрой. Она пробовала очень много симуляторов. Но потом она увидела, что случилось после взрыва. Тела – в стороне от самого удара, – которые дергались и горели. Людей, которые пытаются спасти умирающих друзей.

«Волноваться о косвенном ущербе – не мое дело. Мое дело – направлять ракеты туда, куда хочет генерал».

Но инфракрасные камеры зафиксировали очень много маленьких людей. Наверное, детей. Дети-солдаты, которых совсем рано забрали в армию. Дикие, жестокие создания по любым меркам – и все же, закрывая глаза, она видела их смерть. Она видела тепловые следы их ног на мраморном полу и призрачные остаточные изображения – дети ходили по развалинам капитолия.

А потом она уничтожила их.

Раскаленная добела волна, и они все исчезли. Сколько народу она сожгла, нажав на кнопку?

Раньше ей не доводилось убивать. Ее учили по стандартам «Мерсье», ей доводилось стрелять из пистолета и винтовки во время базового боевого обучения, но она никогда не служила в армии. Никогда ни в кого не стреляла по-настоящему. А сейчас, нажав одну кнопку, она стерла с лица земли больше народу, чем убивали некоторые боевые части за год.

– Старик заставляет тебя работать по ночам?

Джонс дернулась. У нее за спиной стоял Тори. Она протерла глаза.

– Мне нужен кофе.

– Тебе нужно поспать.

– Старик не спит, а значит, и я не сплю.

К тому же ей совершенно не хотелось снова увидеть во сне ракетный удар.

– Да, но он же уже старый, – возразил Тори, – а ты совсем ребенок. Детишкам пора спать.

Джонс мрачно посмотрела на него:

– Я не сильно тебя моложе. – Она встала с кресла и пошла за кофе. Тори следовал за ней.

– Издеваешься? Когда ты в первый раз пришла на вахту, я подумал, что на склад придется завозить подгузники. Сколько тебе было лет, когда ты сдала экзамен?

Джонс его проигнорировала. Выбрала эспresso, велела машине налить тройную порцию и добавила этот эспresso в чашку обычного кофе.

– Это замедлит твой рост, – сказал Тор. Джонс снова мрачно посмотрела на него. Тори не испугался. – Все еще ищешь свой корабль? – Он тоже взял кофе и прислонился к стойке рядом с ней.

– Кароа меня убьет, если я его не найду.

– А в чем вообще дело? У меня половина дронов в Северной Атлантике с ума сошла, твой корабль – теперь самая важная задача. Что в нем такого?

– Я могу сказать, но потом мне придется тебя убить.

– Штампы, Джонс? Я вообще думал, что аналитик, который идеально сдал все экзамены, сможет сказать что-нибудь поостроумнее. Или хотя бы поновее.

– Откуда ты знаешь мои оценки?

Тори ухмыльнулся, Джонс потянулась за сахаром, но не нашла его.

– А ты сама не знаешь, а? – поддел ее Тори. – Генерал отправил нашу детку-аналитика гоняться за дикими птицами, а она и не представляет зачем.

– Это бессмысленно! – взорвалась Джонс. – И дело не только в работе «Хищника». Ты знаешь, сколько ракет мы сбросили на этого плюсового? До черта!

– Но он выжил, так что нужно было больше, наверное.

– Но как?

– Смотри, Джонс. Ты довольно давно тут работаешь, так что пора привыкнуть не знать некоторых вещей. Просто выполняй приказы, вовремя меняй подгузник, и время от времени будешь получать повышение. Все просто, – он ухмыльнулся, – если ты найдешь плюсового, конечно.

– Спасибо за сочувствие.

– Да, именно сочувствие. Потому что я за тебя волнуюсь. – Он посмотрел на часы. – Мне пора бежать. Хьюстонским болотным драчунам предстоит встреча с парочкой ракет. Пытаются влезть на борт наших плавучих заводов.

Он хлопнул ее по спине и собрался уходить.

– Тори? – Она удержала его за руку. Он повернулся, и она тихо спросила: – Тебе не страшно сбрасывать ракеты?

– Страшно? – Он свел брови. – Почему еще? Тебя волнуют расходы? Так гораздо эффективнее скинуть на них ракеты, чем посылать войска.

– Я думала о случайно пострадавших.

– Акционеров компании среди них точно нет.

Он смотрел на нее с выражением лица, которое Джонс назвала бы заботливым, если бы не была уверена, что он собирается в очередной раз посмеяться над ее наивностью.

Но, к ее удивлению, он не стал шутить. Вместо этого он заговорил почти ласково:

– Подумай о себе, Джонс. Поспи. Пострадавшие – не твое дело. Удар санкционировал Кароа. Он хотел шесть ракет, ты сбросила шесть ракет. Ты просто средство. Ясно?

– Ясно, – медленно кивнула Джонс.

– Отлично. – Он ткнул ее в плечо и улыбнулся. – На твоём месте я бы меньше беспокоился о том, что происходит на земле после ракетного удара, и больше о том, куда делся плюсовой – если тебе дорога твоя карьера, разумеется.

– Было бы проще, если бы я знала, зачем генералу этот плюсовой.

– Это не твой уровень, Джонс. Просто сделай свою работу и кончай ныть о том, что тебя не касается.

Джонс нахмурилась и отпила горький кофе, а Тори ушел, посвистывая. Ему было все равно. Он собирался сбросить еще несколько ракет. Он может сжечь весь мир и спать, как младенец. Просто делать свою работу.

Корпорация «Мерсье» наняла Ариэль Магдалену Луизу Джонс не для того, чтобы она была занозой в заднице. Ее наняли потому, что она отлично сдала экзамены.

Так тому и быть.

Но она все равно мучилась. Она всегда была любопытной, ее терзали всякие вопросы, а если уж ее что-то цепляло, сложно было от этого уйти. Она задумалась о плюсовом. Одно рутинное совпадение – и неожиданно Кароа начинает ей командовать, велит ей переназначить дроны, подтянуть силы из северной Атлантики ближе к Побережью, готовиться к удару.

Она спросила у генерала, с какой компанией они борются и кто управляет плюсовым, но Кароа осадил ее, заявив, что это не важно.

Максимум, до которого она додумалась сама, – что плюсовой работает на какую-то компанию, которая хочет подмять под себя рынок мусора из Затонувших городов. «Лоусон и Карлсон» или что-то в этом роде. Но это тоже не имело смысла. Деятельность одного-единственного плюсового в одной из многочисленных никчемных трущоб казалась сущей ерундой по сравнению с операциями, которыми обычно занимался Кароа. Этот человек отправлял в бой тысячи плюсовых, завоевывал земли, подавлял восстания, захватывал глубоководные порты. Кароа создал военную монополию в торговле на давно растаявшем Северном полюсе. Он не тратил время на какого-то плюсового в какой-то дыре.

Вот только именно это он и сделал.

И теперь Джонс, забыв о том, что «Мерсье» может потерять контроль над литиевыми шахтами в Перу, искала какую-то жалкую контрабандистскую баржу из задницы мира и беспокоилась, пережила ли та ураган.

Нахмурившись, Джонс вернулась к столу. Отпила кофе, сморщившись от горечи, и открыла рабочий файл.

Судя по списку кораблей, клиперы класса «Скат» стояли в десятках портов по всей Атлантике, от Рейкьявика до Рио-де-Жанейро. Даже в ближних портах их были сотни. Джерсийский Орлеан. Приморский Бостон. Миссисипи Метро. Майами-Риф. К тому же они могли уйти намного дальше. В Лондон или в Лагуш. «Скаты» могли добраться в любую точку мира. Насколько она понимала, корабль мог быть уже на полпути к острову Шанхай.

Она еще раз изучила фотографии из доков. Размытые, далекие изображения. Она вовсе не нацеливала «Хищников» на клиперы, когда вела съемку, так что у нее было всего несколько кадров, вытасненных из десятисекундного ролика.

Джонс просмотрела все изображения, невольно наклоняясь поближе к экрану, хотя зернистые картинки от этого не становились четче.

Солдатики в цветах плюсового тащили по трапу груз странной формы. Темноволосая и темнокожая молодая женщина наблюдала за ними. Чертами лица она напоминала азиатку, но не чистокровную японку или китайку – возможно, в ее жилах текла африканская кровь. Полукровка? Дочь китайки и жителя Затонувших городов? Ошметок-сирота китайских миротворцев, оставшаяся с тех времен, когда китайцы пытались навести там порядок?

Судя по всему, девушка отвечала за этот груз, хотя на вид она была немногим старше Джонс. Но все жители Затонувших городов были очень молоды. Старых застрелили много лет назад. Девушка выглядела совершенно измотанной. Джонс попыталась увеличить изображение. На одной щеке у девушки был старый шрам, напоминавший знак одного из ополчений. Джонс открыла файл.

Объединенный патриотический фронт. Точно. Три полосы, выжженные на щеке. Такие же, как у многих членов этой команды. Объединенный патриотический фронт – вот как он назывался. Джонс еще раз пробежалась по изображениям и нахмурилась. У девушки был протез вместо руки. Синевато-черная металлическая кисть. Слишком высокотехнологичная, учитывая, что девушка точно не имела отношения к крупным торговым компаниям. Конечно, если бы она работала на «Мерсье», другое дело... «Лоусон и Карлсон» или «Патель Глобал»... Но откуда такой протез у контрабандиста?

Джонс уставилась на крупнопиксельное изображение механической руки. Злобно втянула воздух. Если бы «Хищник» снимал именно девушку, Джонс смогла бы определить модель, может быть, даже серийный номер протеза, вычислить девушку и корабль. Но нет.

– Ладно, – пробормотала она, глядя на однорукую, – и что же ты делаешь в Затонувших городах?

Она вывела на экран новые данные. Из Затонувших городов экспортировали в основном сырье, на которое разбирали развалины. Железо. Мрамор. Мусор. Гражданская война поглотила эту часть побережья, не давая никому заниматься сельским хозяйством и промышленностью. А покупали Затонувшие города только патроны. Ну, иногда лекарства. Так и вели дела: меняли мусор на патроны и патроны на мусор.

Значит, торговка оружием.

Если они привезли оружие, то из Гаваны, Лондона или, может быть, Циндао. Джонс снова просмотрела изображения с «Хищника», на этот раз обращая внимание на груз, который несли солдатики. Коробки. Ящики. Что-то большое и плоское. Прямоугольное, как зеркало, которое было у ее мамы...

Джонс смотрела на прямоугольник, затянутый в холст, на собравшихся вокруг него людей. Судя по всему, они сильно тряслись над своим грузом. Как будто он был хрупкий.

В Затонувшие города они привезли боеприпасы или лекарства.

Что же они получили в качестве оплаты? Наличных в Затонувших городах не бывало, а «Скат» слишком мал, чтобы погрузить достаточное количество сырья.

Джонс еще раз посмотрела на плоский прямоугольник.

– Картина! – воскликнула она.

Аналитики вокруг дернулись от этого крика.

– Какого черта, Джонс?

– Тише!

Джонс неуклюже извинилась перед коллегами.

– Это картина, – пробормотала она себе под нос, – они вывозят предметы искусства.

Ее охватило то же волнение, что и при сдаче экзамена. Она вспоминала правильные ответы, только прочитав вопрос. Она знала, что права. Знала, что создает будущее для себя, что ей не придется всю жизнь копать в мусоре. Что она добьется многого. Она почти видела, как ее старая учительница миссис Сильва одобрително кивает, глядя на нее. Помогает ей не бояться и думать тщательнее. Не сомневаться независимо от того, что сказала ей мать.

Картины. Все встало на свои места. Они легкие, компактные и невероятно ценные. Даже маленького клипера хватит, чтобы возить оружие в одну сторону и картины в другую.

Напевая себе под нос, Джонс начала поиски. Она тянула за разные ниточки, глядя, куда они могут ее завести. Через несколько минут она вызвала Кароа.

– Я знаю, кто они, – улыбнулась она, когда лицо Кароа появилось на экране, – я знаю, где их искать.

– Да?

– Их клипер относится к классу «Скат». Я проверила их. Таких клиперов довольно много, но в Затонувшие города сунутся не все. Это очень быстрые корабли с небольшими трюмами. На них перевозят легкие, но ценные вещи. Увезти из Затонувших городов пару сотен тонн медной проволоки не получится. Для этого нужен корабль класса «Белуга» или дирижабль. «Йети», кажется? Огромные старые мусорщики.

– Давайте к делу, младший аналитик.

– Так точно. Извините.

Она показала ему один из кадров съемки.

– Я думаю, сэр, что они вывозят предметы искусства. Старые имперские сувениры. Там полно бывших музеев. Там же располагалась столица, так что всякой ерунды там много. Я думаю, что это картина. Она обернута в холст, но я почти уверена, что это картина.

Она переключилась на каталог аукциона и отправила генералу несколько изображений. Кароа нахмурился, изучая ее находки: картины, старые военные реликвии, древние рукописи, написанные черными перьевыми ручками.

– Продолжайте.

– Я проследила рейсы нескольких кораблей, соотнесла их с работой рынков искусства и нашла один корабль, «Быструю», который каждые пару месяцев бывает в Приморском Бостоне.

– Почему именно там?

– Через него лежит кратчайший путь из Затонувших городов на крупнейшие аукционы. «Кристис». Дом раскопок. Мелинда Ло. Дэвис Инк. В Бостоне есть огромный глубоководный порт, и этот город контролирует полярную торговлю. Плюс там сосредоточены огромные деньги. Там строит свои клиперы «Патель Глобал». По внутриконтинентальной сети поездов на магнитной подушке доставляется множество товаров. Там работают банки и финансовые учреждения. С тех пор как в прошлом веке Манхэттен заполонили отбросы, в Бостоне оказалось очень много денег. А если учесть, что у них есть прямая связь с Китаем через полюс, лучше места для торговли антиквариатом не найти.

Она провела рукой по другому экрану, вывела на него список поставок и продемонстрировала его генералу.

– Смотрите, – она выделила список поставок в Приморский Бостон. – «Быстрая» появляется как раз перед аукционами до и после сезона штормов. А если проверить аукционные каталоги, там неожиданно обнаружится огромное количество винтовок времен Первой гражданской войны. Флаги эпохи до разделения. Старые картины. Всякие Уорхолы и Поллоки. Артефакты космической программы двадцатого века. И так далее.

– То есть вы считаете, что они направляются на Побережье.

– Скорее всего. Это их последний шанс захватить туристический китайский сезон до наступления зимы, когда путешествия через полюс прекратятся.

Генерал надолго замолчал.

– Отлично.

Джонс почувствовала облегчение. После того как она упустила плюсового, всегда сохранялся шанс, что начальник решит обвинить во всем ее. Отправит работать на какие-нибудь золотые рудники в Антарктиде. Или обратно в долину Амазонки.

– Начинайте наблюдение. Ударные хищники.

– Ударные хищники? – Джонс попыталась справиться с собой.

– Это проблема? – поинтересовался Кароа.

Люди, сгорающие дотла. Корчащиеся в агонии люди.

– Сэр... это Побережье. У нас множество торговых соглашений с тамошними компаниями. Пакты о ненападении. «Патель Глобал». «Киншаса Нано». «ДжЕ». Там находятся посольства Пекина. Слишком велика будет отдача. – Кароа явно удивился. Джонс продолжала: – Мы можем отправить туда Ударный Коготь. Одеть плюсовых в форму «Патель Глобал» или нашего финансового отдела. Можно подтянуть туда ударный отряд плюсовых с «Килиманджаро». Все будет аккуратно.

Кароа опять надолго замолчал. Джонс задержала дыхание. Когда он наконец заговорил, то голос его звучал очень мягко:

– Джонс...

– Сэр?

– Я уверен, что вы считаете себя благоразумной.

Джонс вздрогнула.

– Да, сэр.

– В следующий раз, аналитик, когда вам придет в голову что-нибудь благоразумное, зажмите себе рот ладонью. Придушите свои мысли, как придушили бы ненужного младенца в трущобах. Ваша работа заключается не в том, чтобы давать мне уроки географии, и уж тем более не в том, чтобы предлагать мне тактические решения. Чего нам точно не нужно – так это плюсовых рядом с нашей целью. Это вам ясно? Никаких плюсовых.

– Но, сэр...

– Я сказал, никаких плюсовых! Ни единого!

Джонс замерла, увидев, что генерал злится. Норны. Он ее понизит.

– Да, сэр, – она решительно кивнула, – никаких плюсовых.

– Хорошо, – Кароа успокоился, – я хочу, чтобы вы сожгли этот корабль. Мне наплевать, сделаете ли вы это в нейтральных водах или прямо в бостонском порту, но я хочу, чтобы вы нашли этот клипер и утопили его, прежде чем он разгрузится. Ясно?

– Да, сэр.

Кароа отключился, оставив Джонс таращиться в черный экран. Тори посмотрел на нее.

– Он может назначить тебя испытателем вируса Эбола-IV, ты в курсе?

Джонс молча покачала головой.

– Джонс?

– Я облажалась, да?

– Ох, не уверен. Кажется, ты ему нравишься. Я видел, как он ссылал людей в Антарктику за меньшее.

Получив назначение на «Аннапурну», она была уверена, что впереди ждет блестящее будущее. Броская форма. Интересные обязанности. Вероятность быстрого роста.

А теперь такое.

Точно так же, как в юности. Мать колотила ее за то, что она вслух говорила вещи, про которые люди поумнее молчали. И она снова и снова совершала эту ошибку.

Проблемы с дисциплиной и характером, как объясняла это ее мать. Она постоянно нарушала молчаливые соглашения, на которых держался хрупкий мир матери и которые позволяли им выжить.

Ариэль не следовало говорить, насколько глупы некоторые знакомые или как Наставник Марко смотрит на юных девочек. И не важно, что Ариэль была права. Если ты создаешь кому-то проблемы, проблемы будут и у тебя.

– Он хочет бомбить город, – сказала она.

– И что? Мы постоянно это делаем.

– Настоящий город. Приморский Бостон, а не какую-нибудь дыру.

– Да, но это работа. Если ты хочешь получать зарплату и повышения, ты просто делаешь работу.

Джонс не смотрела Тори в глаза.

– Джонс, что происходит в твоей умненькой головке?

«Я больше не хочу сбрасывать ракеты».

– Кто стоит выше Кароа?

– Исполнительный комитет. – Тори мрачно посмотрел на нее. – Пожалуйста, не говори, что ты обратишься в комитет через голову Кароа. Нарушение субординации...

– Он хочет разбомбить город, с которым мы торгуем.

– И что?

– У нас с ними договоры! Они сотрудничают с Китаем! Это сумасшествие.

Тори пожал плечами:

– Не знаю. Как-то я бомбил Прагу. Они, наверное, тоже с кем-то сотрудничали. И еще Париж, было дело.

– Не понимаю, почему я вообще с тобой разговариваю.

– Потому что я за тобой наблюдаю, Джонс, и вижу, что ты заплывла в опасные воды и не представляешь, сколько вокруг тебя акул. Делай свою работу. Не зли Кароа. Ты солдат, – он понизил голос, – прикрой свою задницу.

– Ага...

Она хотела объяснить настоящие причины, но выражение лица Тори ее остановило. Все, что она скажет, сделает только хуже.

– Вывожу «Хищников», – угрюмо сказала она, – есть, сэр.

– Я знал, что моя детка-аналитик схватывает на лету, – сказал Тори. – Как только тебя увидел, сразу понял, что ты умненькая, – говорил он весело, но лицо у него было серьезное. – Молодые должны быстро учиться, иначе они вылетают туда, откуда пришли. Правда, аналитик? Отправляются назад в раскаленные джунгли и забывают, как хорошо они сдали какой-то экзамен. Ясно?

Джонс заставила себя кивнуть:

– Да, сэр. Так я и думаю.

Тори смотрел на нее еще минуту. Джонс, чувствуя на себе его взгляд, вывела на экран панель управления «Хищниками» и стала назначать их на задачи.

«Может быть, я смогу найти их еще в море». Тогда все просто. Скинуть ракеты и уходить. Но сразу за этой мыслью пришла другая – а что делать, если корабль окажется в Приморском Бостоне? Если он доберется туда, она будет его бомбить? Снова сожжет целый мир? Убьет людей?

Она слышала презрительный голос матери: «Снова все портишь, дочь? Демонстрируешь, какая ты умная? Воображаешь, что станешь великой? Куда ты там собралась? Думаешь, правила не для тебя писаны? Опять все испортишь?

Да? Исполнишь? Да?»

Джонс вернулась к работе.

«Нет, мама. Я просто хочу выжить».

10

Когтистые пальцы задевали Тула в темноте, царапали его, топтали, заталкивали глубже в костяную яму, пока он изо всех сил старался вылезти.

Тела сплетались друг с другом, дергались, ревели, цеплялись друг за друга и за стены ямы. Борьба вслепую. Все стаскивали друг друга вниз. Упрямая возня в темноте, отчаянные попытки сбежать. Драка за право быть первым. Отчаянные попытки не стать последним, убежать, пока яма не наполнилась.

Тул сражался. Он кусался, рвал плоть и царапался, демонстрируя, что достоин. Таков закон костяных ям, и он хорошо его выучил. С самого первого дня, дрожащим, пищащим щенком он усвоил, что выживают только самые жестокие и сильные. Он питался кусками окровавленного мяса, которое скидывали сверху дрессировщики. Мяса никогда не бывало достаточно. Слабые становились еще слабее и вскоре делались добычей сильных. Но Тул учился быстро и ел хорошо, готовился к дню, когда покажет всем, что достоин.

И теперь он рвался прочь из ямы навстречу солнцу. Первым из своей ямы. Вырывался из тьмы к свету. Из костяной ямы прямо в руки генерала Кароа, который обрадовался ему и дал ему имя.

Кровь.

Он достоин. Он достоин стоять перед великим генералом. Достоин сражаться на его стороне.

Тул встал, вырвавшись на свет. Он был покрыт кровью слабых. Он смотрел на солнце, о котором столько слышал.

11

«Быстрая» шла на север. Паруса, белые, как крылья чайки, наполнял ветер. Небо было ясным. Прошло всего два дня после шторма, но голубые воды Атлантики сверкали под ярким светом, спокойные и дружелюбные. На палубе «Быстрой» кучей истерзанной плоти лежал Тул, но у Мали не было времени за ним ухаживать. Сейчас Маля могла только думать, как сильно она устала, да еще об Ошо, который кружил вокруг нее.

Пот пропитал ее шорты и футболку, стекал по рукам и ногам при каждом движении, затекал в глаза, жег и туманил зрение. Нож выскальзывал из мокрых ладоней.

Ошо кружил рядом с ней, ожидая, когда она споткнется. Он тоже вспотел, но совсем не казался измученным. Норны, он даже не запыхался. Он легко двигался, уверенно ставил ноги на неровную палубу. Он походил на змею, готовую напасть.

Маля знала, что не пробьет его защиту. Она много раз пробовала, но у нее не получалось. Он был слишком хорош.

Ошо перехватил нож правой рукой. Нож двигался взад и вперед, качался, гипнотизируя ее. Она знала, что Ошо пытается заставить ее следить за клинком, а не за тем, куда ступают его ноги и двигается тело. Он хотел, чтобы она следила за ножом, а не за тем, где он может...

Оказаться.

Он быстро ударил. Маля шагнула вперед, зная, что нож пройдет совсем близко, но он все же не коснулся ее тела. Ошо придется иметь дело с ее ножом. Наклон палубы теперь помогал ей, она взмахнула левой рукой, заставляя солдатику отшатнуться вправо. Они шумно столкнулись друг с другом. Он схватил ее запястье, готовый дернуть...

Удар!

Клинок, спрятанный в ее протезе, выскочил наружу и ткнул его под подбородок. Ошо замер. Нож прижался вплотную к коже, холодя плоть. Потекла тоненькая струйка крови – все-таки она его цапнула.

Ошо поднял руки, сдаваясь. И расплылся в улыбке:

– Молодец, отродье войны. Так держать!

Маля напрягла мышцы, и потайной клинок втянулся в протез так же быстро, как и выскочил из него.

Оба расслабились, отошли друг от друга. Ошо довольно кивал.

– Ты молодец, – говорил он, – у тебя начинает получаться. Ты почти амбидекстр. Круто же. Двуручный ужас.

Маля стерла пот со лба.

– Моя счастливая левая, – сказала она.

– А теперь у тебя еще и хитрая правая есть, пусть и металлическая. Еще немного тренировок, и мы сможем выпускать тебя на арену и ставить на тебя деньги. Аист будет секундантом. Заработаем кучу денег.

Маля покачала головой и села на палубу, все еще тяжело дыша.

– Я предпочитаю играть за пределами арены.

Ошо опустился рядом с ней. Его коричневые мускулистые плечи блестели от пота, а рубашка промокла. Он отпил опресненной воды из бутылки и передал бутылку Мале.

– У тебя хорошо получается, правда.

Маля взяла бутылку искусственной рукой, попила и вернула бутылку. Ошо прав. Она начинает лучше управляться с рукой и с ножом. Когда Ошо предложил ей встроить в руку оружие, она решила, что это дурацкая идея. Странная показуха, как будто она – воинственная принцесса из горящих степей Раджастана. Таких показывали в болливудских шоу, которые они иногда ловили по спутнику.

– Это тупо! – возражала она в то время.

– Его же никто не увидит, – уговаривал Ошо, – и уж точно никто не будет смеяться, получив ножом в живот.

– Доктор Мафуз говорил, что если у тебя есть оружие, ты его обязательно используешь вместо того, чтобы искать другой способ.

– И как он кончил?

Это ее убедило. Мафуз погиб. Он жил в мире фантазий, где люди считали друг друга людьми. И в этом же мире он умер. Судя по тому, что пережила Маля, люди скорее походили на животных. Иногда можно было кого-то приручить, даже хищника. Но иногда просто приходилось убивать.

Она повертела протезом. Клинок выскочил из него и убрался внутрь. Она пошевелила пальцами, сжала кулак. Почти так же хорошо, как с живой рукой. Как будто Армия Бога не отрезала ей кисть. Вот бы купить такой протез, который что-то ощущает.

– Сильно все изменилось за пару дней. – Ошо прервал ее размышления.

Маля проследила его взгляд и залюбовалась океаном – бескрайней тихой равниной, так непохожей на шторм, который они еле пережили.

– Да, неплохо, когда шторм не пытается тебя убить, – согласилась она.

С левого борта выскочили из воды летучие рыбы. Наверное, охотятся тут на медуз. Вдалеке виднелись киты. Она уже видела их раньше, когда они шли вровень с кораблем. Нормальная морская жизнь восстанавливалась после шторма.

С бака закричали. Маля повернулась туда, прикрывая глаза от солнца ладонью. Кто-то из солдатиков Ошо работал со снастями и лебедками, перешучиваясь с людьми капитана Альмади. Голоса их звенели, чем-то напоминая игру солнечных лучей на волнах. Маля разглядела маленького подвижного Вана. Высокого, сильного, загорелого и гордого Аиста. Мускулистого Рамоса и рядом с ним бледного и вечно обгоревшего Северна из команды Альмади. Все четверо трудились под присмотром капитана Альмади.

– Выглядят почти как настоящая команда, – сказал Ошо, вторя мыслям Мали, – еще годик-другой, и старушка Альмади научит наших парней манерам.

Капитан Амальди упорно учила бывших ополченцев матросской науке, и теперь, пережив жуткий шторм и обрадовавшись этому, они с большим удовольствием ей подчинялись.

– Они похожи на... – Она осеклась.

– Они дети, – сказал Ошо, – убери шрамы, сотри клейма Объединенного фронта, и никогда не подумаешь, что они убивали.

– Да.

Когда-то они все входили в Объединенный патриотический фронт. Они охотились за ней. Убивали людей, которых она любила. Они были ничуть не лучше Армии Бога, которая отрезала ей правую руку. Такие же дикие, такие же жестокие.

А теперь они смеялись. Ван только что вылил ведро воды на голову Северну и улепетывал прочь. Ребенок, который когда-то тыкал пистолетом в лицо людям.

Она обвела палубу взглядом и остановилась на горе окровавленной, обгоревшей плоти. Это был Тул. Она жива только благодаря ему. Если бы когда-то давно гадалка помахала над головой Мали Глазом Норн и рассказала ей об этом будущем, Маля сказала бы, что старуха сошла с ума. Разве могла девочка, ошметок китайских миротворцев, встать во главе этих зверей. Бывали дни, когда эти дикие парни сожрали бы ее живьем, если бы увидели, а теперь они виляли хвостами при встрече. Она должна была умереть, а вместо этого купила клипер и наняла команду из наполовину укрощенных зверей. И все это благодаря Тулу.

Ошо серьезно смотрел на нее:

– Думаешь о нашем большом немертвом друге?

Маля неуверенно рассмеялась:

– Ты читаешь мои мысли?

– Нет, просто много времени с тобой провел.

Он мог отрицать свою наблюдательность, но зеленые глаза с золотыми искрами замечали то, чего не замечали другие солдатики. Поначалу она думала, что Ошо просто умнее большинства людей, но позднее, познакомившись с ним поближе, она поняла, что вовсе не ум позволяет ему и его людям оставаться в живых столько времени. Не ум, а внимательные настороженные глаза, которые видели то, что могли бы увидеть и другие. Большинство людей просто смотрели. А Ошо – видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.